

Полезные поражения

Влад Велирский

Влад Велирский

Полезные поражения

<https://litres.ru/74351924>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антон Рубежов построил карьеру на трёх историях о поражениях, которые будто бы сделали его свободнее, честнее и сильнее. Когда издатель предлагает превратить популярные лекции в книгу, дочь приносит старые записи, ведомости и письма. В них красивые выводы расходятся с чужими потерями, незакрытыми долгами и правом людей не становиться персонажами его спасительной версии.

Чтобы закончить рукопись и сохранить студию, Антону придётся отделить память от документа, выплату от прощения, согласие от молчания — и проверить, имеет ли рассказчик право на полезный урок, если цену за него до сих пор платят другие.

«Полезные поражения» — современный роман о личной ответственности, семейной памяти и границах публичной исповеди.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Аплодисменты на слове «крах»	5
Глава 2. Студия на месяц	17
Глава 3. Коробка из аппаратной	26
Глава 4. Эфир, которого не было	38
Глава 5. Голос Светланы	50
Глава 6. Цена красивой паузы	58
Глава 7. Первый возврат	72
Глава 8. Сорванные гастролы	86
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Влад Велирский

Полезные поражения

От автора

«Полезные поражения» — художественный роман с вымышленными героями и событиями, а не биография автора и не сборник рецептов успеха. Его рассказчик привык превращать неудачи в ясные истории, где за болью обязательно следует награда. Книга проверяет цену такой ясности: кто ещё участвовал в событии, кому достались последствия и имеет ли рассказчик право закончить чужую историю своим выводом.

Главы сохраняют несовпадающие версии рядом. Документ не всегда объясняет мотив, память не становится ложью только из-за неточности, а признание ошибки не равно возмещению ущерба. Читать этот роман лучше не ради готового метода, а наблюдая, как меняется следующий поступок героя после каждого уточнения.

Глава 1. Аплодисменты на слове «крах»

Я научился выдерживать паузу после слова «крах» на четвертом году лекционной жизни.

Раньше я торопился. Произносил: «И тогда наш эфир окончательно закрылся», — и тут же подсовывал слушателям спасательный круг: зато я понял, зато решился, зато началась настоящая свобода. Людям не оставалось времени испугаться за меня, а без этого последующее облегчение стоило недорого.

Теперь я стоял в круге белого света, считал про себя до трех и смотрел поверх первых рядов. Дом культуры «Речной» был построен в те времена, когда архитекторы верили в долговечность тяжелых портьер. Портьеры пахли пылью даже после химчистки, кресла складывались с выстрелом, а над сценой висел герб города Реченска — ладья, которую из зала легко было принять за утюг. На мою лекцию пришли двести восемьдесят человек. Даша сосчитала по оторванным корешкам, потому что электронная система опять продала два билета на одно место.

— И тогда наш эфир окончательно закрылся, — сказал я. Раз.

Женщина в третьем ряду перестала шуршать пакетом.

Два.

Мужчина у прохода снял очки и протер их краем рубашки.

Три.

— Это был мой первый полезный провал.

Кто-то выдохнул. В зале возник тот особенный смех, которым люди благодарят рассказчика за то, что несчастье случилось давно, не с ними и уже снабжено смыслом.

Я прошел к краю сцены. На экране за спиной появилась фотография: я в наушниках, худой, заросший, перед микрофоном с поролоновой насадкой. Снимок был сделан не в последний день эфира, но этого я не говорил. В последний день никто не фотографировал. Мы таскали коробки и искали владельца удлинителя.

— До закрытия я думал, что свобода — это когда тебе разрешают говорить. После закрытия выяснилось: свобода начинается, когда разрешать больше некому.

Аплодисменты пришли точно по расписанию. Я наклонил голову, будто не ожидал их, хотя пометка «пауза — реакция» стояла в сценарии между сорок седьмым и сорок восьмым слайдами.

Из-за кулисы показалась Даша. Она держала вертикально два пальца: две минуты отставания. Я показал ладонью, что догоню. Она не поверила и исчезла.

Вторая история начиналась с афиши гастрольного тура. На ней мне было тридцать три, я носил пиджак на голое гор-

ло и считал, что любое мероприятие с четырьмя городами называется федеральным проектом.

— Мы выехали в Каменный Бор на автобусе, который заводился только после переговоров, — сказал я. — У него было два режима: «слишком рано паниковать» и «уже поздно».

Зал засмеялся громче. Эту фразу я придумал через семь лет после поездки, но автобус от этого не стал надежнее.

Я рассказал, как режиссер потребовала убрать сцену, без которой спектакль терял смысл. Как я отказался. Как площадка расторгла договор, тур рассыпался, а я остался на вокзале с папкой афиш и неожиданным уважением к себе. В этой версии на вокзале всегда шел дождь. На самом деле под навесом лежал мартовский снег, серый от песка, но дождь лучше работал на слух.

— Иногда сорванное дело — единственный способ не сорвать себя, — произнес я.

Эта фраза была самой дорогой в программе. Ее фотографировали, не дожидаясь конца. Десятки экранов поднялись над рядами, как маленькие зеркала. Я дал им четыре секунды и перешел к семейному кафе.

На слайде возникла жестяная вывеска «Крошка тмина». Название придумала мама, вывеску нарисовала Ольга, моя младшая сестра, а в лекции все это называлось «наше семейное безумие». Я не уточнял, кому именно в семье принадлежали долги.

Кафе прожило девять месяцев. За это время мы трижды

меняли меню, дважды поставщика и один раз замок на служебной двери. Я рассказывал о кастрюле супа, которую пришлось вылить в день закрытия, о последнем посетителе, попросившем счет со скидкой, и о своем открытии: любовь к делу не заменяет учета.

— Я потерял кафе, — сказал я. — Но перестал путать преданность с упрямством.

Слово «потерял» прошло без сопротивления. Так проходили многие слова, если дать им правильное освещение.

На последнем слайде три фотографии легли рядом: микрофон, мокрая афиша, жестяная вывеска. Между ними появилась тонкая белая линия, похожая на кардиограмму.

— Три краха, — сказал я. — Три вещи, без которых я не стоял бы сегодня перед вами.

Люди поднялись не сразу. Сначала захлопали те, кто сидел ближе к сцене, затем средние ряды, потом балкон. Я видел, как волна проходит по залу, и знал ее механику не хуже осветителя: сначала облегчение, потом узнавание, затем разрешение применить чужой вывод к себе. В этой точке я обычно чувствовал благодарность. В тот вечер к ней примешалось раздражение: в левом проходе Даша не хлопала.

Она стояла у стены с планшетом, прижав его к груди. Когда наши взгляды встретились, она подняла брови: время. Я объявил вопросы.

— Если поражение не привело ни к чему хорошему, значит, мы просто пока не поняли урок? — спросила девушка

с первого ряда.

Я ответил привычно:

— Иногда урок состоит в том, чтобы перестать требовать от боли немедленной пользы.

Ответ был осторожнее моей лекции, и поэтому прозвучал мудрее. Девушка записала его.

Мужчина с протертыми очками спросил, вернул ли я деньги после гастролей. В зале стало тихо не так, как после слова «крах», а проще и неприятнее.

— Мы рассчитались по тем обязательствам, которые могли подтвердить, — сказал я.

Это была точная фраза. Точность иногда служит лучшим укрытием.

— То есть не со всеми?

— У нас были спорные договоренности. Но именно после этого я перестал работать без письменного бюджета.

Я перевел разговор к следующему вопросу. Даша опустила планшет и что-то напечатала большим пальцем.

За кулисами меня ждали пластиковые стаканы, теплое игристое и Лев Аркадьевич Нестеров. Он не ходил на мои лекции целиком. Приходил к финалу, садился с краю и слушал аплодисменты, как механик слушает двигатель после ремонта.

— Двести шестьдесят проданных, двадцать приглашений, четыре возврата, — сказал он вместо поздравления. — Для четверга отлично.

— Двести восемьдесят в зале.

— Приглашения тоже занимают кресла, Антон.

Нестеров носил серые костюмы, которые никогда не мялись, и яркие носки, которых никто не видел, пока он не сел. Сегодня на носках были желтые якоря. Он протянул мне стакан, но сам пить не стал.

— Ты слово «крах» продаешь лучше, чем большинство людей слово «успех», — сказал он. — Это комплимент.

— А звучит как диагноз.

— Диагнозы выписывают бесплатно. Я пришел с предложением.

Даша вошла в комнату, не снимая гарнитуры. За ней тянулся провод, и на секунду она стала похожа на человека, которого сцена не хочет отпускать.

— Пап, автографы через пять минут. И организатор просит не открывать вторую бутылку в артистической. Она для субботней свадьбы.

— Мы не открывали первую.

— Первая наша. Вторую ты уже поставил рядом.

Она забрала бутылку и только после этого кивнула Нестерову.

— Лев Аркадьевич.

— Дарья Антоновна. У меня для вашего отца книга.

— Надеюсь, почитать.

— Написать.

Даша посмотрела на меня. Не удивленно — проверяя,

знал ли я заранее. Я покачал головой.

Нестеров достал из внутреннего кармана сложенный вдвое лист. На одной стороне был логотип его издательства, на другой — таблица с цифрами.

— Рабочее название оставляем. «Полезные поражения». Три части, три истории. Радио, гастроли, кафе. Между ними короткие выводы. Не правила успеха, это рынок уже перестал переваривать. Личный опыт, документы, цена ошибки. Стоимость договора здесь.

Цифра была достаточной, чтобы студия не закрылась в июне. Не чтобы процветала — Нестеров не любил оплачивать процветание вперед, — но чтобы пережила лето, сохранила монтажную и выплатила зарплату шестерым сотрудникам. Я перечитал сумму, стараясь не изменить выражение лица.

— Срок?

— Четыре месяца на рукопись. Первый фрагмент через три недели.

— Ты предлагаешь мне записать лекцию на бумаге.

— Нет. Запись лекции у меня уже есть, и она бесплатная. Мне нужна книга, которую нельзя заменить роликом.

Нестеров забрал лист, перевернул и ногтем подчеркнул строку, напечатанную мелким шрифтом.

— У каждой истории должна быть доказуемая личная цена.

— Долги, развод, закрытие проекта. Выбирай.

— Это названия потерь. Цена — кто ее заплатил и чем. Если радио закрылось, покажи, что потерял лично ты. Если гастролы сорвались, найди расчеты. Если кафе разорилось, принеси кредитные бумаги. Читатель устал от человека, который падает со сцены на заранее подложенный мат.

— Ты хочешь аудит.

— Я хочу доверие. Аудит дороже.

Даша сняла гарнитуру. Красная полоска от ободка пересекала ей волосы.

— Тогда вам понадобятся согласия, — сказала она.

Нестеров повернулся к ней всем корпусом, как поворачивался только к людям, способным изменить смету.

— На что именно?

— На чужие истории. В гастролях были Инга, Тимур, техники. На радио — Светлана и вся смена. В кафе — Ольга. Они живые. У них имена, переписка и версии, которые не совпадают с папиными.

— Я никого не обвиняю, — сказал я.

— Ты распределяешь роли. Иногда это дороже обвинения.

Из коридора донеслось: «Антон Андреевич, мы готовы». За дверью уже собиралась очередь за автографами. Люди держали мои старые брошюры и только что купленные блокноты с тисненой надписью «Провал — это материал». Надпись придумал я. Печатали блокноты в типографии, которой студия задерживала оплату двенадцать дней.

— Все имена можно изменить, — сказал Нестеров.

— Дело не только в именах, — ответила Даша. — Отец говорит, что после закрытия радио выбрал свободу. Светлана говорит, что он выбрал ее смену вместо своей. Это разные истории даже без фамилий.

Я почувствовал, как во мне включается сценический голос: ровный, доброжелательный, способный превратить возражение в ступеньку.

— Света много чего говорила после закрытия.

— Вот именно.

— Ты предлагаешь дать всем право переписать мою память?

— Нет. Я предлагаю не выдавать твою память за их согласие.

Нестеров сложил лист еще раз, теперь вчетверо.

— Прекрасно, — сказал он.

— Что именно? — спросили мы с Дашей одновременно.

— Конфликт. Антон рассказывает, участники возражают, документы не решают всего. Только без суда на каждой странице и без литературного мавзолея. Книга должна двигаться.

— Ты только что превратил проблему в структуру, — сказала Даша.

— Это моя профессия.

— И папина.

Нестеров улыбнулся ей, но не стал спорить. Он положил сложенный лист на стол между двумя бутылками.

— Аванс перечислю после первых тридцати страниц и подтверждения, что архив существует. Не идеальная правда, Антон. Материал, который выдержит вопрос мужчины в очках.

Он ушел через боковую дверь, по дороге ответив на звонок. Уже в коридоре его голос стал ласковым: он разговаривал с кем-то о просроченной аренде.

Я взял лист. На сгибе цифра аванса разделилась пополам, но оставалась читаемой.

— Ты могла сказать мне это дома, — произнес я.

— Ты дома не рассказывал, что собираешься делать книгу.

— Я сам узнал минуту назад.

— А три истории отрепетированы годами.

В дверь постучал организатор и напомнил об автографах. Даша снова надела гарнитуру.

— Где коробки с радио? — спросил я.

Она замерла, придерживая микрофон у щеки.

— Какие именно?

— Ты сказала, есть переписка и версии. Значит, видела.

— Я сказала, что они существуют. Это не приглашение открыть их без людей, которым они принадлежат.

— Даш, студия дотянет до осени на этом авансе.

— Я умею читать таблицы.

— Тогда ты понимаешь.

— Понимаю, что тебе опять очень нужен красивый конец

к чужому тяжелому месяцу.

Она открыла дверь. За ней стояла девушка из первого ряда, прижимая к груди блокнот. Увидев меня, девушка улыбнулась так доверчиво, что я машинально улыбнулся в ответ.

Следующие сорок минут я подписывал свое имя под фразой о материале. Люди рассказывали о закрытых фирмах, распавшихся браках, неудачных переездах. Я слушал, задавал короткие вопросы и каждому находил формулировку, с которой потеря переставала быть тупиком. Это было мое ремесло, и в тот вечер оно работало безупречно.

Последним подошел мужчина в очках.

— Я не хотел вас подловить, — сказал он.

— Вы и не подловили.

— Просто мой брат был техником в одном туре. Не в вашем, наверное. Они тоже потом говорили, что все рассчитались по подтвержденным обязательствам.

Он не попросил автографа. Положил блокнот обратно на стол и ушел.

Когда зал опустел, на сцене продолжал гореть один прожектор. В его круге лежали три забытых программки. Я поднялся, чтобы помочь уборщице, и увидел на экране застывший финальный слайд: микрофон, афиша, вывеска, соединенные белой линией.

Издалека линия казалась маршрутом. Вблизи я заметил, что дизайнер провел ее прямо поверх лиц людей на афише.

Телефон завибрировал. Даша прислала фотографию кар-

тонной коробки с надписью «РАДИО. АППАРАТНАЯ. НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ».

Под фотографией было одно сообщение:

«Она у меня. Сначала звоним Светлане».

Я посмотрел на сложенный договор, торчавший из кармана, и набрал: «Хорошо».

Потом стер.

Написал: «Завтра в десять».

И впервые за весь вечер не добавил, что из этого получится.

Глава 2. Студия на месяц

Утром студия встретила меня запахом горелой проводки.

Я поднялся на третий этаж за сорок минут до назначенного разговора со Светланой и увидел Арсения на стремянке. Он держал в зубах отвертку, а из потолка над ним свисал черный провод.

— Если это пожар, — сказал я, — предупреди после десяти. До десяти у нас важный звонок.

Арсений вынул отвертку.

— Это чайник.

— Чайник в потолке?

— Чайник сжег удлинитель. Удлинитель питал свет в монтажной. Я ищу автомат, который должен был отключиться.

— И?

— Он человек принципиальный. Не вмешивается.

В студии работали шесть человек, если считать меня, и семь, если считать Марину, которая убирала по вечерам и отказывалась называться сотрудником, пока мы не погасим долг за май. Мы занимали бывшие кабинеты районной газеты: монтажную, класс на шестнадцать складных стульев, комнату записи и мой закуток за стеклянной перегородкой. На стекле ученики оставляли маркерами планы выступлений. Даже после мытья проступали глаголы: «признать», «решиться», «изменить».

Я открыл окно. Со двора тянуло горячим асфальтом и булочной. До десяти оставалось тридцать семь минут.

На моем столе лежала папка с надписью «ИЮНЬ». Внутри была одна страница. Даша умела превращать катастрофу в таблицу так, что катастрофа начинала стыдиться своей неорганизованности.

Остаток на счете: сто восемьдесят четыре тысячи. Зарплаты и налоги: четыреста двенадцать. Аренда: сто тридцать. Подрядчики: девяносто семь. Ожидаемые поступления: двести девять, если никто не передумает. Внизу красным: «Разрыв на 30 июня — 246 000».

Рядом Даша приписала ручкой: «Без старых долгов».

Я перевернул лист, будто на обороте мог оказаться другой июнь.

В девять тридцать пришла Лена, администратор. Она поставила рюкзак под стол и спросила:

— Зарплата сегодня или после выходных?

— Сегодня скажу точное время.

— Это третий вариант ответа. Первый был «сегодня», второй — «после обеда».

— Значит, мы приближаемся к точности.

Она не улыбнулась.

Следом появились преподаватель Илья с пакетом дешевых яблок, монтажёр Костя в наушниках и Даша с картонной коробкой. На крышке фиолетовым маркером было написано: «РАДИО. АППАРАТНАЯ. НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ».

Даша поставила коробку не у меня, а возле своего стола.

— До звонка не открываем.

— Я помню.

— Ты вчера помнил меньше.

В девять сорок пять Лена позвала всех в класс. Я не начал собрания, но сотрудники уже сидели полукругом. Арсений принес с собой обгоревший удлинитель как вещественное доказательство. На доске Даша вывела четыре даты платежей.

— Мы не будем делать вид, что разговор только о чайнике,

— сказала она.

Я остался стоять. Сидя сообщать о нехватке денег казалось капитуляцией, а стоя — презентацией.

— Вчера Нестеров предложил договор на книгу, — начал я. — Аванс закрывает июнь и часть июля.

— Книга уже есть? — спросил Костя.

— Есть лекция, архив и автор.

— То есть книги нет.

— Именно поэтому платят аванс.

Илья покатал яблоко между ладонями.

— А если ты не сдашь?

— Сдам.

— Это я слышал про гастрольный курс в Белоярске.

— Там площадка сняла даты.

— После того как мы не внесли бронь.

В комнате щелкнул автомат, найденный Арсением. Свет

погас, затем включился. Никто не посмотрел вверх.

Я положил перед ними таблицу Нестерова. Аванс был разбит на три части: тридцать страниц и подтвержденный архив; половина рукописи; финальная сдача после юридической проверки упоминаний. Первая выплата действительно закрывала разрыв. Ровно на месяц, если отложить ремонт кондиционера и уговорить арендодателя подождать неделю.

— Сегодня я подпишу, — сказал я. — Через три недели сдаю первый фрагмент. Деньги придут в течение пяти банковских дней.

— А сегодня? — спросила Лена.

Я назвал сумму, которую мог перевести ей со своей карты. Потом суммы остальным. Они были разными и униЗИТЕЛЬНО маленькими.

— Это не зарплата, — сказала Даша. — Это частичные выплаты. Так и называй.

Я назвал их частичными выплатами.

Арсений положил удлинитель на пол.

— У меня ипотека двадцать второго. Если первая часть аванса позже, скажите сейчас. Я возьму ночные смены в театре.

Мне хотелось ответить, что аванс не опоздает. Вместо этого я посмотрел на условие «подтвержденный архив».

— Возьми две смены, — сказал я. — На всякий случай.

Это было первое решение за утро, которое никого не ободрило и потому, вероятно, было честным.

После собрания сотрудники разошлись по кабинетам. Илья оставил пакет яблок в классе. На доске рядом с датами платежей кто-то написал: «МЕСЯЦ» и обвел прямоугольником.

В десять мы с Дашей сидели у коробки. Она включила громкую связь и набрала номер Светланы.

Гудки шли долго. Я успел прочитать на боковой стенке коробки старый адрес радиостанции и свою подпись: «заберу в пятницу». Какую именно пятницу, определить было нельзя.

— Да, — ответила Светлана.

Ее голос почти не изменился. Только пропала привычка поднимать интонацию в конце фразы, будто эфир мог продолжиться сам.

— Свет, привет. Это Антон.

— Я вижу.

— Удобно говорить?

— Уже говорим.

Даша положила передо мной лист с тремя пунктами: книга, архив, согласие. Я кивнул, хотя Светлана не могла этого видеть.

— Мне предложили написать книгу о трех провалах. Один из них — закрытие радио. У Даши сохранилась коробка из аппаратной. Там могут быть твои рабочие записи и переписка. Я хочу посмотреть материалы и понять хронологию.

На линии стало слышно улицу: грузовик сдавал назад, по-

вторая короткий сигнал.

— Ты хочешь написать, как увольнение подарило тебе свободу? — спросила Светлана.

— Я хочу проверить эту версию.

— Через пятнадцать лет.

— Лучше поздно, чем никогда.

Даша постучала ногтем по столу. Я понял, что только что вставил готовую фразу, и добавил:

— Поздно. Да.

— Что в коробке?

— Не открывали.

— Совсем?

— Совсем, — сказала Даша.

Светлана узнала ее голос и смягчилась на полтона.

— Даша, привет. Ты зачем в это полезла?

— Пока только не даю папе полезть одному.

— Разумно.

Я посмотрел на часы. Нестеров ждал подписанный скан до одиннадцати.

— Свет, можно мы вскроем коробку при тебе? По видео или лично. Все, что относится к тебе, не войдет в книгу без отдельного разговора.

— Не войдет без моего согласия?

Я задержался на слове. Нестеров говорил об измененных именах. Договор требовал юридической чистоты, но не давал каждому участнику права остановить главу. Даша мол-

чала.

— Личные письма — без согласия, — сказал я. — Факты общей работы я смогу описать со своей стороны. Твою позицию покажу тебе до публикации.

— Значит, согласие тебе не нужно.

— Мне нужно, чтобы ты участвовала.

— Это другое.

Она назначила встречу на следующий день в половине седьмого, в кафе у старого вокзала. Попросила не приносить диктофон и не открывать коробку заранее.

— И найди платежную ведомость за последний месяц, — сказала она перед тем, как отключиться. — Если ее нет в коробке, найди в другом месте.

— Почему именно ее?

— Потому что свободу ты получил в пятницу, а мы зарплату не получили вообще.

Связь оборвалась.

Я закрыл глаза. За стеклом Костя монтировал вчерашнюю лекцию. На его экране я беззвучно стоял перед фотографией радиомикрофона. Костя передвинул курсор, и моя пауза после слова «крах» стала на секунду короче.

— Ты обещал показать ей позицию, — сказала Даша. — Не получить согласие.

— Я не могу отдать Светлане право запретить мою жизнь.

— А право запретить ее жизнь?

— Поэтому мы и встречаемся.

Я взял договор. Последняя страница требовала подписи под подтверждением, что автор располагает достаточными правами на включенные материалы. Пока никаких материалов включено не было. Формально я мог подписывать.

— Если не будет аванса, Арсений возьмет не две ночные смены, а уйдет, — сказал я. — Лена уже смотрит вакансии. Костя работает на своем ноутбуке, потому что наш не тянет монтаж. Это тоже чужая цена, Даш.

— Да.

Я ожидал возражения, но она только повернула ко мне таблицу с красным итогом.

— Поэтому подпиши. Только не рассказывай потом, что книга спасла студию. Пока она купила нам месяц. Месяц — не спасение.

Я подписал каждую страницу. В строке «автор» написал: «Антон Рубежов». В строке о рабочем названии — «Полезные поражения». Рука не дрогнула ни разу.

Даша отсканировала договор и приложила к письму фотографию закрытой коробки. В теме написала: «Первый этап: договор и подтверждение наличия архива». Перед отправкой показала мне экран.

— Отправляй.

Письмо ушло в одиннадцать ноль три.

Через девять минут Нестеров ответил: «Принято. Жду опись документов и 30 страниц. Платеж после проверки комплекта».

Не после договора. После комплекта.

Я перечитал вчерашнюю таблицу. Условие там было. Просто цифра аванса занимала больше места.

— Сколько займет опись? — спросил я.

— Если не читать — два часа. Если понимать, что отправляем, — неизвестно.

В дверях появилась Лена.

— Точное время появилось?

Я открыл банковское приложение и сделал пять частичных переводов. После последнего на личной карте осталось достаточно на коммунальные платежи и неделю обычной жизни или на три недели очень дисциплинированной.

— Появилось, — сказал я. — Сейчас.

Телефоны в соседних комнатах почти одновременно подали голос. Никто не зааплодировал.

Мы с Дашей перенесли коробку в класс и освободили большой стол. Она приклеила к крышке чистый лист: «ВСКРЫТЬ 22 ИЮНЯ В 18:30 ПРИ СВЕТЛАНЕ».

Под ним я написал: «До этого найти ведомость».

На доске по-прежнему стояло обведенное слово «МЕСЯЦ». Я хотел дописать рядом «который изменит все», но маркер высох.

И хорошо.

Глава 3. Коробка из аппаратной

В половине седьмого Светлана уже сидела у окна и держала ладонь на крышке коробки.

Мы с Дашей опоздали на три минуты: таксист отказался подъезжать к вокзалу, а картонная ручка лопнула посреди перехода. Последние сто метров я нес коробку, прижав к груди, и со стороны мог выглядеть человеком, который наконец спас из пожара самое дорогое. На деле я спасал старые бумаги от мелкого дождя.

Кафе называлось «Перрон», хотя поездов из его окон не было видно. За стеклом стояли автобусы, водители курили под козырьком, и каждые десять минут женский голос объявлял отправление в места, где я никогда не был. Светлана выбрала стол под камерой наблюдения.

— Чтобы потом никто не спорил, кто что унес, — сказала она вместо приветствия.

На ней была темно-синяя рубашка с закатанными рукавами. Раньше перед эфиром она снимала часы и клала рядом с пультом, потому что секундная стрелка отвлекала. Теперь часы остались на руке.

Даша достала из папки три листа.

— До вскрытия фиксируем порядок. Снимаем общий вид коробки и пломбу. Все предметы нумеруем. Оригиналы сегодня никому не передаем. Отдельно отмечаем, кто может

владеть каждой бумагой и кто вправе разрешать публикацию содержания.

— Владеть и разрешать — не одно и то же? — спросил я.
Светлана посмотрела на Дашу.

— Он правда спрашивает?

— Я хочу, чтобы ответ прозвучал точно.

— Тогда слушай точно, — сказала Даша. — Если твоя записка лежит в моей коробке, коробка от этого не делает записку моей. Если ты купил на барахолке чужое письмо, бумага твоя, чужая жизнь — нет. И если документ относится к общей работе, это еще не значит, что его можно целиком печатать в книге.

— А пересказать факт?

— Сначала установить факт.

Официант принес три стакана воды. Светлана отодвинула свой подальше от бумаг.

На крышке сохранились две полосы серого скотча. Поперек них Даша вчера наклеила белую этикетку со временем встречи. Я сфотографировал коробку с четырех сторон, затем положил телефон экраном вверх. Никакого диктофона. Только камера для описи, на которую Светлана согласилась в переписке.

— Начинай, — сказала она.

Я провел канцелярским ножом вдоль старого шва. Картон хрустнул громче, чем должен был. Изнутри пахло пылью, железом и чем-то сладким — так пахла аппаратная по-

сле ночной смены, когда нагревались стойки и кто-нибудь забывал на подоконнике чай.

Сверху лежали два мотка кабеля, наушники с треснувшей дужкой и прозрачная кассета без коробки.

— Номер один, два, три, — диктовала Даша. — Состояние?

— Нерабочее, — сказал я про наушники.

— Не проверено, — поправила Светлана. — Ты и тогда все неработающее определял по внешнему виду.

Я записал: «Работоспособность не проверена».

Под техникой обнаружилась синяя папка с наклейкой «СМЕНЫ. ИЮНЬ». Я узнал почерк инженера Вадима Сергеевича. На сцене моей лекции никакого Вадима Сергеевича не существовало. Там были я, микрофон и директор, который якобы однажды выключил передатчик посреди музыкальной заставки. Одиноким человек лучше помещался в световой круг.

В папке лежал журнал. Листы были прошиты белой нитью, концы заклеены квадратом бумаги, на котором расплылась фиолетовая печать. Последняя заполненная страница открылась сама: сгиб давно запомнил это место.

Светлана придвинулась, но не коснулась журнала.

— Читай.

Я прочел первую строку про прием смены в восемнадцать ноль-ноль. Потом про перебои резервного питания, звонок от городского комитета и отсутствие утвержденной записи

интервью. В двадцать один сорок дежурный инженер отметил: «По распоряжению А. Рубежова снят выпуск новостей, запущен повтор программы от 12.06». Следующая строка была написана другим почерком: «Главный редактор не уведомлен».

— Дальше, — сказала Светлана.

В двадцать два пятнадцать эфир перевели на музыку. В двадцать два сорок семь поступило распоряжение прекратить местное вещание до служебного решения. В двадцать три десять оборудование опечатали.

Я перевернул страницу. Утром следующего дня комиссия возобновила технический сигнал, но редакционная смена в эфир не вышла.

— Передатчик не выключили во время моей фразы, — сказал я.

— Ты в тот вечер вообще не был у микрофона.

— Я был в аппаратной.

— Ты пришел в аппаратную после того, как снял новости по телефону. На двадцать минут. Потом уехал убеждать директора, что спас станцию от заказного материала.

В моей сценической версии директор врывался в студию, пока я читал текст о городском бюджете. Он дергал рубильник, и последнее слово уходило в тишину. Я много раз воспроизводил эту тишину перед залом. Выдерживал четыре секунды. В первой главе зрители аплодировали именно ей.

— Интервью было заказным? — спросила Даша.

— Оно было плохим, — ответила Светлана. — Вопросы согласовали заранее. Гость хотел вырезать неудобный кусок. Я отказалась и поставила выпуск в сетку с редакционной пометкой. Антон снял весь выпуск, потому что решил, что так честнее.

— Я не хотел выпускать рекламу под видом новостей.

— Ты мог снять интервью и оставить новости. Мог позвонить мне. Мог поставить короткий выпуск. Но ты выбрал жест, для которого нужна была вся станция.

Даша записала номера страниц журнала и положила рядом бумажную закладку. Не клейкую — чтобы не повредить лист.

Следующими шли служебные записки. Первая — от Светланы директору: она требовала сохранить исходную запись интервью и провести редакционный разбор. Вторая — от инженера: он предупреждал, что самовольное изменение сетки нарушило условия договора на частоту. Третья была моей.

Я узнал подпись раньше текста.

«Считаю невозможным продолжать работу в условиях внешнего управления содержанием эфира. Решение о снятии выпуска принял лично. Ответственность за программные последствия принимаю на себя».

Под последней фразой стояло жирное подчеркивание. Я всегда любил предложения, которые хорошо выглядели под подписью.

— Вот и личная цена, — сказал я. — Я лишился работы.

Светлана сняла часы и положила рядом со стаканом.

— Ты уволился в этой же записке. До того, как кому-либо начислили штраф и до того, как директор решил закрыть редакцию. Тебе выплатили отпускные. Нам — нет.

Она произнесла это без нажима, и поэтому фраза не давала возможности отбиться.

На дне синей папки лежал сложенный вчетверо лист. Бумага была тонкая, с серой сеткой. В верхнем углу: «Расчетная ведомость № 6». Девять фамилий, суммы начислений, удержания, пустые графы «к выдаче» и «подпись получателя».

Светлана нашла свою строку. Сорок две тысячи восьмьсот рублей старыми деньгами нашей памяти — не нищета и не состояние, а аренда, продукты и летние сандалии сыну. Ни подписи, ни расходного ордера.

В моей строке подпись была.

— Что это? — спросила Даша.

Я приблизил лист. Напротив моей фамилии стояли начисление, компенсация отпуска и итоговая сумма. В графе получения — размашистое «Рубежов».

— Расчет при увольнении.

— В тот же день?

— Судя по дате, через два дня.

— А остальным?

Светлана перелистнула ведомость. На обороте карандашом было написано: «Перенесено до поступления средств».

Ни даты поступления, ни номера новой ведомости.

Я помнил, как выходил из бухгалтерии с конвертом. Помнил дождь, мокрые ступени и чувство, что деньги оскорбительно малы для человека, пожертвовавшего карьерой. Не помнил, чтобы спросил, получили ли остальные.

Телефон Даши завибрировал. На экране высветилось имя Нестерова. Она не ответила и показала мне сообщение: «Опись нужна сегодня до 21:00. Финансы поставили выплату в завтрашний реестр».

До девяти оставался час и семь минут.

Мы продолжили. Под папкой лежали сетки вещания, три мини-диска, рекламный договор, пачка факсов и конверт с фотографиями. На одном снимке редакция стояла в коридоре: Светлана держала бумажный стакан, Вадим Сергеевич смотрел мимо камеры, я поднял над головой табличку «МЫ ЕЩЕ В ЭФИРЕ». На обороте была дата — за неделю до закрытия.

— Фотографию в книгу нельзя, — сказала Светлана.

— Почему? Здесь все на работе.

— Потому что я говорю нельзя. За Вадима не решаю. За себя — решаю.

Даша поставила в описи красную отметку: «Не сканировать для передачи. Возможна только фиксация наличия».

— Нестерову нужен подтвержденный архив, — сказал я.

— Подтвердить можно перечнем, — ответила Даша. — Скан каждого листа ему не нужен.

— Финансы не платят за перечень пустых названий. Им нужно видеть, что материал существует.

— Тогда отправим титульные части и фрагменты без персональных данных. После того как разберемся, кому что принадлежит.

Светлана сложила руки.

— А пока вы разбираетесь, зарплату в твоей новой студии опять задержат?

Это прозвучало почти сочувственно, и от этого стало хуже.

— Уже задержали, — сказал я. — Сегодня перевел часть из своих.

— Значит, теперь у тебя есть две смены, которым ты должен.

Я посмотрел на ведомость. Девять строк, восемь пустых подписей. В сценической версии мое увольнение было дверью: меня вытолкнули из тесного помещения, и я обнаружил свободу. Бумага показывала другое устройство. Дверь я открыл сам. Деньги забрал на выходе. Остальные остались внутри.

До девяти было пятьдесят две минуты.

— Сканируем журнал, служебные и ведомость, — сказал я.

Светлана придвинула к себе расчетный лист.

— Нет.

— Оригинал останется здесь.

— Где — здесь?

Я не знал. Коробку пятнадцать лет хранила Даша. Папка, вероятно, принадлежала станции, которой давно не существовало. Ведомость касалась девяти людей. Моя подпись не давала мне права на их суммы.

— Оригиналы запечатаем обратно и оставим у Даши до отдельного решения, — сказал я. — В издательство уйдут копии с закрытыми фамилиями и суммами, кроме моей. Светлана получит тот же комплект. Никаких фотографий. Никаких личных записок. Публикация — отдельно, после согласования конкретных фрагментов.

— А если я не согласую?

— Напишу то, что помню сам, и укажу, с чем ты не согласна.

— То есть все равно напишешь.

— Да.

Она медленно кивнула.

— Это хотя бы не согласие, выданное задним числом.

Даша перечитала вслух формулировку для описи. Я добавил: издателю передаются материалы только для подтверждения разработки рукописи, без права публикации и распространения. Она сказала, что одной нашей приписки для юридической защиты недостаточно, но как граница сегодняшнего решения это лучше, чем молчание.

Мы разложили листы на чистом столе у стены. Даша снимала камерой сверху. Я держал черную полосу картона над

фамилиями и чужими суммами. Светлана проверяла каждый кадр до сохранения. Работа шла медленно. Автобусы отправлялись один за другим.

Когда очередь дошла до моей служебной записки, закрыть было нечего.

— Целиком? — спросила Даша.

Я прочел последнее предложение еще раз. «Ответственность за программные последствия принимаю на себя».

— Целиком.

В восемь сорок семь опись насчитывала тридцать шесть позиций. В подтверждающий комплект вошли семь сканов: обложка журнала, две страницы хронологии, три служебные записки и ведомость с открытой только моей строкой. Даша сохранила исходники в отдельную папку без облачной синхронизации, затем собрала копии для Нестерова.

В сопроводительном письме я написал: «Архив подтверждает закрытие местного вещания после моего самовольного снятия выпуска. Ранее использованная в лекции сцена включения микрофона документами не подтверждается».

Палец завис над кнопкой отправки.

— Если это уйдет, — сказал я, — прежнюю главу нельзя будет оставить.

— Ее и сейчас нельзя оставить, — ответила Светлана. — Просто раньше об этом знала только я.

Я отправил письмо.

В восемь пятьдесят две Нестеров ответил одним словом:

«Получил».

Мы сложили документы в новые папки, перевязали коробку хлопковой лентой и подписали места хранения. Светлана забрала копию описи, но не взяла ни одного оригинала.

У выхода она надела часы.

— Мне не нужна глава, где я тебя прощаю, — сказала она.

— Я такой не планировал.

— Ты много чего не планировал. Получалось убедительно.

Она ушла к остановке, не попрощавшись. Через стекло я видел, как она проверила время прибытия автобуса и встала в конец очереди.

В девять ноль четыре пришло новое сообщение от Нестерова: «Архив принят предварительно. Жду тридцать страниц и вашу версию первой истории. Финансы подтверждаю».

Я должен был почувствовать облегчение. Завтрашний реестр означал аренду, зарплаты, еще месяц света в монтажной. Вместо этого перед глазами стояла ведомость с восемью пустыми строками.

Даша закрыла ноутбук.

— Теперь у тебя есть документы.

— И платеж.

— Платеж будет завтра.

— А что есть сегодня?

Она подняла коробку за новую ленту и передала мне.

— Поражение без монтажа.

На этот раз я нес его обеими руками и не пытался выглядеть человеком, который что-то спас.

Глава 4. Эфир, которого не было

В студию я вернулся в половине одиннадцатого с коробкой, которую нельзя было ставить на пол, заливать кофе и называть своей. Поэтому я поставил ее на единственный свободный стул, отодвинул кружку к окну и написал на желтой наклейке: «Не открывать без Даши».

Наклейка выглядела смешно. Кроме меня, ночью в студии никого не было.

На монтажном столе лежала распечатка моего сценического монолога. Три страницы крупным шрифтом, паузы отмечены косыми чертами, места для смеха — точками. Я готовил этот текст не как воспоминание. Я готовил его как номер: восемь минут сорок секунд от первого слова до аплодисментов, если зал теплый, и девять двадцать, если придется ждать.

Первая строка была хорошая.

«Однажды мой голос выключили посреди слова».

Я сел и открыл на ноутбуке сканы. В журнале смен хороших первых строк не было.

Восемнадцать ноль-ноль — прием смены. Двадцать один сорок — по моему распоряжению снят выпуск. Двадцать два пятнадцать — переход на музыку. Двадцать два сорок семь — прекращение местного вещания. В двадцать три десять оборудование опечатано.

Между этими строками не помещались ни рука директора на рубильнике, ни красная лампа, погасшая над моей головой, ни слово, разрезанное тишиной. Не помещался даже я у микрофона.

Я создал новый документ и напечатал:

«Однажды я выключил чужой выпуск, потому что считал его нечестным».

Фраза была точной и совершенно не умела входить в зал.

Я заменил «чужой» на «новостной». Потом на «подготовленный моей сменой». Потом вернул «чужой», потому что именно это слово объясняло больше, чем мне хотелось. Выпуск собирали Светлана, корреспондент, звукооператор и дежурный редактор. Я руководил программами и мог менять сетку, но в тот вечер не сидел рядом с ними. Я принял решение по телефону и приехал проверить последствия, когда музыка уже играла.

В сценическом тексте все происходило иначе.

Я входил в студию с листом разоблачительного материала. Светлана будто бы шептала из аппаратной: «Они уже едут». Директор распахивал дверь. Я успевал сказать: «Городской бюджет принадлежит...» — и тут наступала тишина.

Четыре секунды.

На слове «принадлежит» публика обычно понимала, что бюджет принадлежит ей, голос принадлежит мне, а выключатель — власти. Работало без пояснений.

Я выделил весь абзац и нажал удаление.

Документ стал короче почти на страницу. Вместе с выдуманной сценой исчезла причина, по которой слушатель должен был немедленно встать на мою сторону. Остались плохое интервью, согласованные вопросы, вырезанный неудобный кусок и мое решение снять не интервью, а весь выпуск. Чтобы рассказать это честно, требовалось допустить неприятную возможность: я мог быть прав в оценке материала и неправ в поступке.

В дверь постучали условным ритмом — два коротких, один длинный. Арсений пришел забрать наушники перед ночной сменой в клубе. В рюкзаке у него звякнули переходники.

— Ты еще здесь?

— Пишу книгу.

— Значит, деньги пришли?

Я проверил банковское приложение. Перевода не было.

— Поставили в реестр.

— Реестр можно потратить на такси?

— Только если водитель любит деловую прозу.

Он забрал наушники со стойки, но не ушел. На экране был виден старый монолог: половина зачеркнута, рядом открыты страницы журнала.

— Это тот эфир, где тебя вырубили?

— Меня не вырубили.

— В смысле?

— В прямом. Я не был у микрофона.

Арсений снял рюкзак с плеча.

— Но ты же на каждой лекции показываешь, как лампа гаснет.

— Показывал.

— А лампа?

— Лампа была. В другой день. И погасла по технической причине.

Он посмотрел на меня так, как смотрят на фокусника, который не только раскрыл секрет, но и сообщил, что голубь был арендован.

— Тогда за что тебя уволили?

— Я уволился сам.

— Подожди. А полезное поражение в чем?

Я мог ответить привычно: в том, что потеря радио заставила меня найти собственный голос. Эта фраза еще оставалась в конце монолога. Ее можно было произнести даже теперь. Закрытие станции действительно привело меня в гастрольные проекты, потом в студию, потом на сцену. Причинная цепочка существовала.

Только рядом с ней существовала ведомость с восемью пустыми подписями.

— Пока не знаю, — сказал я.

— У тебя курс так называется.

— Поэтому особенно неудобно.

Арсений усмехнулся, но без удовольствия.

— Если аванс не придет, это тоже потом окажется полез-

ным?

Он ушел прежде, чем я нашел ответ. Через стеклянную дверь я видел, как он на ходу застегивает рюкзак и проверяет время ночного автобуса. В другой версии этой ночи молодой сотрудник произносил бы простую истину, а я благодарно менялся. В действительности он просто опаздывал на вторую работу.

Я вернулся к тексту.

«Мне предложили выпустить в эфир интервью, замаскированное под новость».

Это было удобное предложение, потому что делало меня единственным человеком, заметившим подмену. Я сверился со служебной запиской Светланы. Там говорилось, что вопросы согласовали заранее, а после записи гость потребовал убрать один ответ. Светлана отказалась и поставила материал с редакционной пометкой. Я не боролся за выпуск очищенной версии. Я отменил все новости.

Я переписал:

«В вечернем выпуске стояло интервью с заранее согласованными вопросами. После записи собеседник потребовал убрать неудобный фрагмент. Редактор отказалась. Я решил, что весь материал скомпрометирован, и, не собрав смену на разбор, снял выпуск целиком».

Теперь читателю приходилось помнить четыре действия вместо одного красивого насилия. Зато каждое можно было оспорить отдельно.

В полночь позвонил Нестеров.

— Видел письмо, — сказал он. — Правильно, что не спрятали расхождение. Как быстро будет новая версия?

— Утром.

— Не надо утром. Надо хорошо.

— Это ваша новая финансовая политика?

— Это моя старая политика. Финансы обещали первый платеж до обеда. Но вы не присылайте исповедь на нервной почве. Мне нужна глава.

— Чем отличается?

— В исповеди человек хочет облегчения. В главе — чтобы читатель понял последовательность событий.

Я посмотрел на экран. Последовательность событий помещалась в пяти строках журнала. Все остальное было попыткой объяснить, почему взрослый человек предпочел распоряжение разговору.

— Если убрать сцену выключенного микрофона, история теряет кульминацию.

— Значит, кульминация была в другом месте.

— Например?

— Я издатель, а не участник вашей смены. Не просите меня назначать момент чужой потери.

Он помолчал и добавил:

— И не заменяйте одну легенду другой. Вы теперь легко можете написать, что героически разоблачили собственную ложь. Это тоже продается.

— Обнадежили.

— Я пытаюсь сохранить книгу, Антон. Но книга не обязана сохранять вашу лекцию.

После звонка я вынес сценический монолог в отдельную колонку. Слева — то, что я рассказывал. Справа — то, что подтверждали документы.

Слева директор врывался в студию. Справа директор в журнале отсутствовал.

Слева я говорил в прямом эфире. Справа местный выпуск был снят до выхода.

Слева передатчик выключали из-за моих слов. Справа оборудование опечатали после самовольного изменения сетки и служебного решения.

Слева меня увольняли. Справа я сам написал заявление и получил расчет.

Единственным общим событием оставалась тишина. Но даже она принадлежала не мне. В городе перестали слышать местные новости. Восемь человек перестали получать зарплату. Слушатели не услышали ни плохого интервью, ни остальных материалов, которые смена готовила весь день.

Я начал главу в третий раз.

«Эта история много лет начиналась с секунды, когда погасла красная лампа. Такой секунды не было. Была другая: в двадцать один сорок дежурный инженер записал, что по моему распоряжению снят выпуск новостей. Я в это время говорил по телефону, а не в микрофон. Никто не отнял у меня

голос. Я воспользовался должностью, чтобы лишить голоса выпуск, с которым не согласился».

После этого текст пошел медленнее, но перестал сопротивляться фактам.

Я описал комнату, из которой звонил: кухню гастрольной базы, где мы тогда готовили городской концерт. На столе лежали пластиковые папки артистов, пахло холодной гречкой. Корреспондент переслал мне расшифровку спорного интервью. Я прочел три абзаца, позвонил Светлане, не дозвонился с первого раза и вместо второго звонка связался с аппаратной. Я сказал поставить повтор.

Этого не было в документах, но это было моей памятью. Я пометил абзац: «Воспоминание Антона; время и место не подтверждены».

Потом описал двадцать минут в аппаратной. Не как героический приезд после приказа, а как попытку доказать инженеру, что решение уже нельзя отменять. Вадим Сергеевич просил дать короткий выпуск без интервью. Я отвечал, что компромисс легализует давление. Мне нравилось слово «легализует». Оно превращало торопливость в принцип.

В половине второго я дошел до служебной записки. «Ответственность за программные последствия принимаю на себя».

Сначала я оставил фразу без комментария. Потом приписал: «Я считал, что речь идет о моей должности». Получилось так, будто канцелярия обманула меня мелким шриф-

том. Я удалил пояснение.

Написал другое: «Я понимал ответственность как право уйти первым».

Это было эффектно и, вероятно, неправда. В тот день я не формулировал ничего подобного. Я злился, хотел заставить директора выбрать между мной и внешним заказчиком и был уверен, что смена поддержит меня. Когда директор отказался принимать ультиматум, я подписал уход. Не планировал подставить коллег. Просто не включил их последствия в стоимость своего жеста.

Я заменил фразу:

«Под ответственностью я имел в виду собственное увольнение. Я не спросил, кто ответит за сорванную сетку, штраф по договору, остановленную редакцию и зарплаты людей, которым не выдадут расчет вместе со мной. Моя записка обещала больше, чем я мог исполнить, и именно поэтому так хорошо звучала».

В два часа семь минут я отправил этот абзац Светлане. Не главу — только абзац и вопрос: «Здесь есть фактическая ошибка?»

Ответ пришел через минуту:

«Есть подмена. Ты пишешь, что не спросил. Я тебе сказала про смену до твоего заявления».

Я позвонил. Светлана сбросила вызов и написала: «Текстом».

«Я не помню этого разговора».

«Это не значит, что его не было».

«У тебя есть подтверждение?»

Три точки появлялись и исчезали. Наконец она прислала фотографию своей служебной записки. На полях синим карандашом стояло: «А. уведомлен: снятие выпуска ставит под риск всю смену. Ответ: беру на себя».

Я увеличил снимок. Почерк был ее, но запись не доказывала, что я услышал именно эти слова. В старой манере я мог объявить пометку позднейшей или потребовать свидетеля. Вместо этого спросил дату записи.

«В ту ночь. Доказать не могу. Можешь написать, что я утверждаю это сейчас».

Я вернулся к абзацу и добавил:

«Светлана утверждает, что предупредила меня о риске для всей смены до заявления; на полях ее записки есть сделанная, по ее словам, в ту ночь помета. Я разговора не помню. Но моя последующая подпись подтверждает как минимум другое: я знал о программных последствиях и все равно назвал личным ответом собственный уход».

Отправил снова.

«Теперь ты прячешься за тем, что помнишь», — ответила она.

«Я разделяю версии».

«Нет. Ты оставляешь себе чистую комнату: документы отдельно, память отдельно, а между ними никто не виноват».

Я перечитал главу. В каждом спорном месте стояли акку-

ратные ограждения: «по документам», «по словам», «я не помню». Они защищали точность и одновременно позволяли мне не произнести простое предложение.

Я вставил его после хронологии:

«Независимо от того, какими словами меня предупреждали, решение снять выпуск принял я. У смены не было возможности проголосовать за мой жест, отказаться от него или получить расчет вместе со мной. Самовольным решением я подставил людей, чью работу назвал частью собственной принципиальности».

Светлана долго не отвечала.

В три шестнадцать пришло: «Слово “подставил” верное. Но не пиши, что из-за тебя нам не заплатили. Это ты не доказал».

Я убрал причинную связку между моим решением и ведомостью. Закрывание редакции последовало после снятого выпуска, но документы не доказывали, что только оно стало причиной невыплаты. Долги станции могли существовать раньше. Честная ответственность оказалась уже обвинения и тяжелее признания: я отвечал за решение и созданный риск, но не получал права присвоить себе даже роль единственной причины катастрофы.

К пяти утра первая письменная версия занимала четырнадцать страниц. В ней не было погасшей лампы. Не было директора с рукой на рубильнике. Не было последнего слова, ушедшего в тишину. Зато были люди, которые готовили

выпуск, варианты, которые я отверг, и время каждого шага.

Я назвал файл «Первая история — версия 1» и приложил таблицу расхождений. Нестерову написал: «Документальные утверждения отделены от памяти. Сцена у микрофона удалена. Формулировку о невыплате как прямом следствии моего решения не использую: причинность не подтверждена. Светлана оспаривает полноту моей памяти и согласилась только с формулировкой о том, что я подставил смену; это не означает согласия на публикацию главы».

Перед отправкой я открыл сценический монолог в последний раз. В конце оставалась фраза: «Когда у меня отняли эфир, я наконец услышал себя».

Я не стал переносить ее в книгу.

В пять двенадцать файл ушел Нестерову. Через несколько секунд письмо появилось в папке «Отправленные» — не аплодисменты, не облегчение, просто еще одна строка с точным временем.

На коробке отклеился угол желтой записки. Я прижал его пальцем и дописал ниже: «И не называть своей».

Потом лег на диван в переговорной, поставив будильник на восемь. До обещанного платежа оставалось несколько часов. До ответственности — заметно больше.

Глава 5. Голос Светланы

Первый платеж пришел в девять сорок три, когда я стоял у автомата с кофе и пытался вспомнить пароль от банковского приложения. Сумма была ровно той, что обещал Нестеров, без комиссии и без нравственного комментария в назначении.

Я перевел Арсению остаток зарплаты, затем закрыл долги перед остальными сотрудниками студии. После каждого перевода приложение предлагало добавить открытку. Я отказался от воздушных шаров, рукопожатий и фразы «Спасибо, что вы с нами». Люди были со мной не из-за красивой картинки, а потому что до сих пор не ушли.

Светлане я отправил письмо без вложения.

«Первая версия у издателя. Хочу показать только фрагменты, где упомянуты вы и ваши слова. Где удобно?»

Она назначила читальный зал городского архива. Там нельзя было разговаривать громко, фотографировать без разрешения и ставить чашки на стол. Идеальное место для нашей беседы.

В одиннадцать мы сидели друг напротив друга под табличкой «Работа с документами только в перчатках». Светлана принесла красный карандаш и лист бумаги. Я — восемь распечатанных страниц. На каждой строке, которая касалась ее, стоял номер.

— Остальное где? — спросила она.

— Остальное не предлагаю вам одобрять.

— Наконец-то.

Она прочла первую страницу, не делая отметок. На второй подчеркнула: «строгая редактор Светлана отказалась выпускать материал».

— Это откуда?

— Из старой версии. Я оставил ее как пример расхождения.

— Тогда подпиши, что это твоя характеристика. Я не была строгой редактором. Я была редактором смены.

— Разница существенная?

— Строгая женщина в мужской истории существует, чтобы герой однажды признал ее правоту. Редактор существует, чтобы выпуск вышел.

Я зачеркнул прилагательное.

На третьей странице она остановилась у сцены в кафе.

— Здесь написано, что я произнесла сумму и вспомнила сандалии сыну.

— Сумма в ведомости. Про сандалии — моя память.

— Твоя. Не моя.

— Убрать?

— Убрать сына. Зарплату оставить.

Я записал на полях: «42 800 по ведомости; бытовую деталь удалить».

— Если оставить только число, оно ничего не скажет чи-

тателю.

— Скажет, что мне не заплатили сорок две тысячи во-
семьсот. Ты опять хочешь одолжить моему числу красивую
жизнь.

Она перевернула страницу.

— И не называй это старым долгом станции так, будто он
давно умер. Для меня это была задержанная зарплата. Кон-
кретная работа: две недели выпуска, ночные смены, редак-
тура интервью.

Я заменил «невыплата» на «задержанная зарплата за
июньские смены» и перечислил только то, что подтверждали
сетка и ведомость.

— А остальные восемь? — спросил я.

— Семь. Ты был девятым и получил расчет.

— Я не могу назвать их без согласия.

— И не надо. Напиши: семь работников в этой ведомости
не расписались в получении. Не делай из них хор, который
подтверждает мою речь.

— Ты знаешь, выплатили им позже?

— Двум — частями. Про остальных не знаю.

— Можно это указать?

— Можно указать, что я так помню. Но зачем тебе сейчас
еще семь судеб?

Я хотел ответить: чтобы показать масштаб. Слово уже
приготовилось. Светлана увидела его раньше, чем я произ-
нес.

— Масштаб — тоже способ присвоения, Антон. Тебе одной моей зарплаты мало для хорошей главы?

В читальном зале кто-то кашлянул. Архивист подняла голову, и мы понизили голоса.

На пятой странице начинался мой новый вывод: «Светлана заставила меня понять, что свобода одного может быть неоплаченной сменой другого».

Красный карандаш перечеркнул предложение от края до края.

— Я тебя не заставляла понимать.

— Это образ.

— Это должность наставницы. Ты сначала сделал меня препятствием, теперь делаешь лекарством.

— Но разговор со мной что-то изменил.

— Тогда напиши, что изменил ты. Или не изменил. Я пришла за документами и своей зарплатой, а не проводить тебе нравственный семинар.

Я удалил вывод. На его месте осталось описание: она потребовала ведомость, отказалась от согласия задним числом и проверила обезличенные сканы. Действия выглядели меньше афоризма и больше человека.

— И вот это, — сказала Светлана, указывая на последний абзац. — «Она ушла, оставив мне право исправить историю».

— Вы действительно ушли.

— Право ты выдал себе сам. Я оставила тебе перечень

ограничений.

Я написал: «Светлана ушла, не одобрив ни главу, ни использование своего имени».

— Имя будете запрещать?

— Пока да.

— Тогда как обозначить возражение?

— «Редактор смены». Пол и возраст не нужны. Мою прямую речь не использовать, кроме фразы о задержанной зарплате. Документы пересказывать, сканы не печатать. И отдельно: я не подтверждаю твою память о разговорах.

Я внес условия в начало распечатки. Это не было согласием на книгу. Это была узкая рамка, внутри которой ее отказ можно было назвать без превращения в персонажа.

— Что вы хотите получить? — спросил я.

— В каком смысле?

— Деньги. В ведомости есть сумма. Если пересчитать, если добавить...

Светлана положила карандаш.

— Вот теперь внимательно. Я хочу получить задержанную зарплату. Не компенсацию за роль, не плату за молчание и не твой символический возврат. Сначала установи, платили ли ее потом и кто принял обязательства станции. Потом предложи понятный расчет. Письменно.

— А если правопреемника нет?

— Тогда напишешь, что платишь сам и почему. Но не называй перевод погашением чужого долга без проверки.

Мне хотелось достать телефон и отправить сорок две тысячи восемьсот немедленно. Поступок занял бы минуту и прекрасно завершил сцену. Светлана заставляла оставить ее незавершенной до скучной проверки.

— Хорошо.

— И еще. Не присылай мне всю рукопись.

— Боитесь заразиться авторским замыслом?

— Боюсь, что потом ты напишешь: «Светлана прочла книгу». А через год это превратится в «Светлана поддержала».

Она подписала не страницы, а отдельный лист: получила фрагменты, внесла возражения, публикацию не согласовала. Я сделал копию на архивном сканере и отдал оригинал ей.

У выхода позвонил Нестеров.

— Платеж видели?

— Уже раздал.

— Похвально и финансово тревожно. Я прочел первую историю.

— И?

— Фактура есть. Голоса Светланы нет.

Я посмотрел на стеклянную дверь. Светлана надевала пальто у гардероба.

— Она не разрешает имя и почти всю прямую речь.

— Тогда не придумывайте голос. Но читателю нужно увидеть возражение не только как ваше пересказанное чувство вины.

— У меня есть рамка: редактор смены, задержанная зар-

плата, отказ подтверждать мою память.

— Приложите ее условия как отдельный текст.

— Она не пишет для книги.

— Значит, составьте перечень и дайте проверить каждое слово. Мне важна процедура. И еще: глава слишком легко заканчивается отправкой файла. У вас получается, что признание уже исправило ущерб.

— Оно ничего не исправило.

— Вот это и должно быть видно. Следующая глава — о цене вашей красивой паузы. Что вы делаете с лекцией, пока книга исправляется?

Я вспомнил афишу завтрашнего выступления в Каменном Бору. Организаторы уже продали сто восемьдесят билетов. В программе стоял тот самый восьмиминутный монолог.

— Пока ничего.

— Тогда у вас есть конфликт, — сказал Нестеров и отключился.

Светлана подошла ко мне.

— Издатель?

— Требуется ваш голос.

— Передай, что голос был в эфирной сетке. Его сняли.

Она сказала это ровно, без паузы для аплодисментов.

Я не стал записывать фразу в рукопись. Только спросил, можно ли передать ее Нестерову как отказ.

— Как отказ — можно.

Мы вышли из архива. У крыльца Светлана свернула к

остановке, а я открыл письмо от организатора: «Подтвердите финальный текст выступления. Особенно просим оставить сцену выключения — ее ждут постоянные зрители».

В приложении лежал сценарий. Красная лампа гасла на второй странице.

Я отметил письмо флажком и написал Нестерову: «Условия возражения подтверждены в узкой форме. Согласия на имя, образ наставницы и сюжет прощения нет. Следующий вопрос — завтрашняя лекция: организатор требует сохранить ложную сцену».

Ответ пришел почти сразу: «Книга начинается там, где это становится дорогим».

Я закрыл переписку. На счету после зарплат осталось меньше половины аванса. В календаре — выступление, от которого зависела аренда следующего месяца. А в сценарии — четыре секунды тишины, которые никогда не происходили и все еще приносили деньги.

Глава 6. Цена красивой паузы

Утром сценарий вернулся от организатора с тремя словами в примечании: «Это нельзя убирать».

Примечание висело напротив красной лампы. Ни напротив фамилии станции, ни напротив даты закрытия, ни напротив моей фразы о свободе. Только там, где по старой версии директор входил в аппаратную, клал руку на рубильник и оставлял меня перед выключенным микрофоном.

Я позвонил Марине Воронцовой в девять десять. В Каменном Бору она отвечала одновременно за дом культуры, городские праздники и то, чтобы приезжий лектор не обнаружил за кулисами отсутствие воды.

— Антон, я уже видела исправление, — сказала она вместо приветствия. — У вас там исчезла половина афиши.

— На афише микрофона нет.

— На афише есть «легендарная история закрытого эфира». Люди покупали ее.

— Эфир закрыли. История останется. Не останется сцена, которой не было.

В трубке зашелестели бумаги.

— Я правильно понимаю: за сутки до выступления вы меняете программу?

— Уточняю один эпизод.

— Один эпизод у вас длится восемь минут, стоит в ре-

кламном ролике и заканчивается вашей самой известной фразой.

Я помнил ролик. Красная лампа гасла, зал погружался в темноту, и мой голос говорил: «Иногда тебя выключают, чтобы ты наконец услышал себя». Фразу придумал монтажер два года назад, когда ему понадобилось закрыть паузу между планами. С тех пор я произносил ее как личное открытие.

— Фразу тоже уберу.

Марина перестала листать.

— Тогда присылайте новый текст до двенадцати. Если директор не согласует, у нас есть право отменить выступление как несоответствующее заявленной программе.

— А гонорар?

— При нашей отмене вернем вам дорожные. При вашей — ничего. И, Антон, я не спорю с вашей совестью. Я закрываю сто восемьдесят четыре билета, свет, звук и автобус после одиннадцати. Совесть в смете отдельной строкой не предусмотрена.

После разговора я открыл таблицу студии. Аренду нужно было внести послезавтра: сто двенадцать тысяч. На счете после зарплат и обязательных платежей оставалось семьдесят девять. Каменный Бор обещал шестьдесят пять до налогов. Без выступления аренда превращалась из трудности в уведомление от собственника.

В десять пришла команда. Арсений принес две упаковки бумаги и положил чек возле моего ноутбука.

— Это возмещаемое? — спросил он.

— Теперь да.

— Исторический момент. Можно обвести красным.

Я перевел ему деньги и попросил всех задержаться на пятнадцать минут. В переговорной собрались шестеро: Арсений, Лида, Вера, звукорежиссер Костя и двое преподавателей, у которых через час начинались занятия. Даша села у двери, но сразу предупредила:

— Я слушаю как человек, который вел опись. Решение за вас не приму.

Я вывел на экран два сценария. В левом красная лампа гасла. В правом я сам снимал выпуск новостей, получал предупреждение редактора смены, а затем уходил со станции, пока семеро работников оставались без подписей в ведомости.

— Завтрашний гонорар закрывает недостающую часть аренды, — сказал я. — Организатор может отменить выступление, если мы уберем старую сцену.

— «Мы»? — спросила Лида.

— Я уберу. Последствия будут у всех.

Костя придвинул к себе распечатку.

— А нельзя сказать, что сцена художественная?

— Можно. Но тогда я сначала разыграю то, чего не было, а потом мелким шрифтом признаю прием.

— Не мелким. Голосом. До сцены.

— И что зритель должен сделать с этим знанием?

— Решить, верить тебе или нет. Он взрослый.

Вера посмотрела на таблицу расходов, которую я оставил открытой в углу экрана.

— Если лекцию отменяют, зарплату снова задержишь?

— Текущую я выплатил. Следующая зависит от набора групп и двух выступлений.

— То есть ответ «возможно».

— Да.

Арсений постучал ногтем по левому листу.

— Я вчера разгружал коробки до трех утра не для того, чтобы сегодня защищать выдуманный рубильник. Но если мы героически откажемся от денег, ночная смена у меня никуда не денется. Не делай из нас хор честности. Скажи варианты.

Я написал на доске три строки. Отменить самим — ноль. Отправить новый текст — риск отмены. Сохранить старую конструкцию, но перед ней назвать расхождение и после нее показать документ — гонорар вероятен, ложная сцена останется на сцене.

— Третий вариант звучит как продажа яда с честной этикеткой, — сказала Лида.

— А второй как счет за твою правду на наши имена, — ответил Костя.

Они заговорили одновременно. Я поймал себя на знакомом желании поднять ладонь и превратить спор в упражнение: выписать страхи, найти общее, назначить срок. Так я

вел практикумы. Чужое несогласие становилось материалом, который я умел раскладывать по карточкам.

Я закрыл маркер.

— Решение мое. Мне нужно было, чтобы вы знали финансовое последствие. Не чтобы проголосовали за мою версию.

— Тогда решай до начала занятий, — сказала Вера. — У нас в коридоре уже люди.

Команда разошлась. Арсений задержался.

— Ты ведь выберешь третий.

— Почему?

— Потому что первый можно назвать принципом, второй — риском, а третий — сложностью. Ты любишь решения, которые можно долго объяснять.

Он забрал чек и вышел.

До полудня оставалось сорок минут. Я переставил стол в малый зал и включил запись. На пустых стульях лежали забытые тетради вечерней группы. Я начал без вступления.

— Двадцать три года я рассказывал эту историю так.

Пауза. Взгляд на воображаемую аппаратную. Шаг к краю сцены.

— Красная лампа погасла.

Я остановился. Без директора, рубильника и угрозы фразы стала тем, чем была всегда: командой зрителю представить красивый кадр. Я попробовал новый вариант.

— В журнале смен записано, что местный выпуск снял я. Редактор смены предупреждала о последствиях; мою память

о разговоре она не подтверждает. После остановки вещания семь работников не расписались в получении зарплаты. Мой расчет был выплачен.

На слове «выплачен» голос провалился. Не от стыда — от отсутствия ритма. Факты сопротивлялись сцене, потому что ни один не хотел служить ступенькой к моей свободе.

Я продолжил:

— Но много лет в моем публичном рассказе происходило другое. Директор входил в аппаратную...

Я разыграл старую версию до выключения. Потом включил свет и сказал:

— Эта сцена не подтверждается журналом, моей служебной запиской или редактором смены. Я сохранил ее сегодня, потому что за этот рассказ платят, а от гонорара зависит аренда студии.

На записи получилось почти честно и совсем невыносимо. Признание не разрушало эффект; оно создавало новый. Я выглядел человеком, который настолько смел, что предъявил собственную ложь вместе с ценником. Даже семь пустых строк работали на мою сложность.

Даша стояла у пульта. Я не заметил, когда она вошла.

— Ну? — спросил я.

— Ты сделал из разоблачения премьеру.

— Если я просто уберу сцену, никто не поймет, что было изменено.

— Зрители поймут то, что ты покажешь. Сейчас ты пока-

зывает фокус, потом раскрываешь секрет и продаешь оба билета сразу.

— У меня нет версии, в которой никто не платит.

— Есть версия, где ты не называешь платеж нравственным достижением.

Я перемотал запись. На экране я стоял в круге света после слов о семи работниках. Лицо было усталым и подходило для афиши лучше прежнего.

— Светлана разрешила рамку возражения, — сказал я.

— Для рукописи. Ты спрашивал про сцену?

Я посмотрел на часы: без семи двенадцать.

— Нет.

— Тогда не произноси ее фразу. Назови условия как свои ограничения и скажи, что согласия на участие нет.

Я отправил Марине сценарий с третьим вариантом. В письме отдельно указал: эпизод будет представлен как прежняя, не подтвержденная документами сценическая версия; рекламную фразу я не произнесу; после эпизода покажу расхождение и финансовую причину, по которой не отказался от каркаса полностью.

Ответ пришел через восемь минут: «Согласовано при условии соблюдения хронометража. Формулировку в рекламе уже не меняем».

Я переслал письмо Нестерову.

Он позвонил сразу.

— Это компромисс, — сказал я.

— Не льстите себе нейтральным словом. Компромисс между кем и кем?

— Между точностью и обязательствами перед командой.

— Точность ничего не подписывала. Вы оставляете сцену ради гонорара. Так и запишите.

— Я это скажу со сцены.

— Тогда следите, чтобы признание не стало новым номером.

— Даша уже поставила диагноз.

— Даша не ваш редактор совести.

Я услышал почти дословное эхо ее утренней фразы и впервые подумал, что вокруг меня слишком многие вынуждены были уточнять свои должности.

В Каменный Бор мы выехали в четыре. Костя проверял кабели на заднем сиденье микроавтобуса, Арсений правил расписание в телефоне. Никто не обсуждал сценарий. На въезде в город висел плакат с моим лицом и словами про выключенный микрофон. Под ним рабочий заклеивал дату следующего концерта.

Марина встретила нас у служебного входа.

— Директор текст прочел. Просил без самобичевания: после вас юбилей библиотеки, публику надо отпустить вовремя.

— Уложусь.

— И еще. Ролик уже посмотрели двенадцать тысяч раз. Мы его не снимаем до отчета перед спонсором.

— Там фраза, от которой я отказался.

— После выступления пришлите новую запись. Заменим, когда закроем договор.

Она сказала это без угрозы. Просто в ее документах сначала существовал отчет, потом уточнение правды. У каждого учреждения была своя ведомость с пустыми строками.

За кулисами я обнаружил на столике сувенирный красный фонарь. Техник объяснил, что его приготовили для моей истории: на слове «выключили» свет в зале должен погаснуть, а фонарь — остаться.

— Уберите, — сказал я.

— Марина просила эффект.

— Этого нет в сценарии.

Техник пожал плечами и унес фонарь. Через минуту Марина появилась в проходе, посмотрела на пустой столик, но спорить не стала.

В зале было сто восемьдесят четыре человека. Я знал точное число, потому что теперь любое число казалось мне более честным, чем впечатление. На пятом ряду сидели школьные учителя, справа — сотрудники лесопилки, ближе к сцене — женщины из библиотечного клуба. Они пришли не на аудит моих документов. Они пришли услышать, как поражение однажды становится полезным.

Первые двадцать минут прошли по старому сценарию. Зал смеялся там, где я оставил воздух для смеха. Тело помнило работу лучше, чем голова: поворот, шаг, понижение го-

лоса. Когда на экране появилась фотография старого радиоприемника, я увидел, как несколько человек подняли телефоны.

— Здесь обычно начинается история, которую многие из вас уже слышали, — сказал я. — Сегодня перед ней должно прозвучать возражение.

Зал затих охотно. Это была та самая красивая пауза, только теперь я знал ее стоимость.

— Документы подтверждают, что выпуск снял я сам. Редактор смены предупреждала о риске для коллег и не подтверждает мою память о наших разговорах. Она не разрешала использовать имя, делать ее наставницей или считать дальнейшие действия прощением. В ведомости за июнь семь работников не расписались в получении зарплаты. Мой расчет был выплачен.

Кто-то на галерке уронил программу. Я сказал, что согласия редактора смены на участие в лекции нет и что использую только проверенную ею рамку ограничений. Затем произнес:

— А теперь я покажу версию, которую рассказывал много лет. Не как факт. Как товар, за который мне платили.

Я сыграл ее.

Директор вошел в аппаратную. Рука легла на рубильник. Красная лампа погасла. Я выдержал четыре секунды, хотя на репетиции решил сократить до двух. Зал не дышал. Ни один техник не выключил свет, но воображаемая темнота срабо-

тала и без фонаря.

В старой версии после паузы шла фраза о том, что меня выключили ради собственного голоса. Я ее не сказал. Вместо нее включил на экране две строки из журнала смен и свою служебную записку без имен.

— Этой сцены в документах нет. Я оставил ее в программе сегодня после того, как узнал расхождение. За выступление студия получит гонорар, без которого ей не хватает на аренду. Это объясняет мое решение. Не делает его точным.

В третьем ряду мужчина сложил руки на груди. Женщины рядом с ним перестала снимать. Аплодисменты начались справа, неуверенно, потом разошлись по залу. Я не знал, чему хлопали: признанию, знакомому номеру или облегчению, что номер все-таки состоялся.

До конца лекции оставалось тридцать пять минут. Я мог принять аплодисменты и перейти к следующему провалу. Вместо этого попросил не хлопать и показал таблицу из трех колонок: поздний рассказ, документ, возражение. Объяснил только процедуру. Когда мужчина из третьего ряда спросил, значит ли это, что все мои лекции были ложью, я ответил:

— Нет. Это значит, что слово «ложь» не освобождает меня от разбора каждой конкретной фразы.

— А деньги вернете? — спросил кто-то сзади.

Зал засмеялся, но вопрос не был шуткой.

— За сегодняшний билет решение принимает организатор. Гонорар я беру.

Смех закончился.

После выступления Марина вошла в примерную с актом.

— По времени уложились. Продажи книг в фойе отменились сами собой, потому что книги у вас пока нет. Удобно.

Я подписал акт.

— Были жалобы?

— Две просьбы вернуть билет, одна благодарность и семь вопросов, где посмотреть документы. Средний культурный результат. Но в следующий раз заранее предупреждайте, если собираетесь разбирать рекламу со сцены.

— Ролик снимете?

— После поступления вашей новой записи и закрытия отчета. Я сказала.

Костя складывал стойки. Арсений показал телефон: в сообщениях студии уже были три коротких видео с паузой. В одном обрезали начало и конец. Остался я перед воображаемым выключенным микрофоном и аплодисменты.

— Возражение не поместилось, — сказал он.

Видео длилось двадцать одну секунду. Подпись гласила: «Рубежов снова рассказал легендарную историю — теперь еще честнее».

Я попросил Марину прислать полную запись сразу после выгрузки и написал со страницы студии комментарий: «В ролике отсутствует рамка эпизода. Полная версия и перечень расхождений будут опубликованы отдельно». Комментарий оказался под семью огоньками и двумя вопросами, зачем я

порчу хорошую историю.

В микроавтобусе на обратном пути я открыл рукопись. Раньше глава заканчивалась бы тишиной после признания. Теперь тишина уже разошлась на короткие ролики и снова стала доказательством моей смелости.

Я добавил перед первой историей отдельный блок.

«Возражение редактора смены. Имя и прямая речь не используются. Редактор смены подтверждает факт задержанной зарплаты за конкретную работу и не подтверждает память рассказчика о разговорах. Она не давала согласия на участие в книге, не является наставницей героя и не считает последующие выплаты прощением. Сценическая версия включения микрофона документами не подтверждается».

Под блоком я написал дату, перечень показанных ей фрагментов и границы проверки. Не «одобрено». Не «согласовано». Только: «формулировка рамки предъявлена для проверки; разрешение на публикацию не получено».

Затем добавил второй абзац — о сегодняшнем выборе сохранить старый каркас ради гонорара. В конце не было вывода. Были две просьбы вернуть билеты, три обрезанных ролика и акт, по которому деньги должны прийти через пять рабочих дней.

Даша прочла блок с моего экрана, когда мы остановились у студии.

— Это уже можно отправлять Светлане, — сказала она. — Только не всю главу. Ее рамку и абзац о том, где ты ее

произнес.

— А если запретит?

— Тогда запрет зафиксируешь раньше публикации, а не после.

Я выделил два фрагмента и составил письмо. Перед отправкой убрал фразу «как мы договорились». Мы ни о чем таком не договаривались.

Светлана ответила ночью одним предложением: «Факт моего возражения изложен верно; использовать его как мое согласие на лекцию или книгу запрещаю».

Я вставил предложение в реестр ограничений, не в текст главы. Потом открыл банковское приложение. Гонорара еще не было. Аренда по-прежнему не была закрыта.

Красивую паузу я сохранил. Деньги за нее только обещали. Возражение теперь стояло в рукописи, но в трех чужих роликах его уже не существовало.

Глава 7. Первый возврат

Гонорар пришёл во вторник в девять семнадцать утра. Я увидел уведомление, когда стоял в коридоре городского архива с прозрачной папкой и номерком сорок три. Из ста двадцати тысяч студии полагалось девяносто шесть после комиссии агентства и дороги. Аренда стоила восемьдесят четыре. На экране телефона деньги уже выглядели распределёнными, хотя ещё лежали на одном счёте.

В окошке напротив женщина в сером жилете объясняла мужчине, что справка о стаже и справка о зарплате хранятся в разных фондах. Мужчина повышал голос, будто громкость могла соединить две папки, которые двадцать лет назад разнесли по разным полкам.

У меня была похожая задача. Найти одну сумму и не называть её всей правдой.

После лекции Светлана прислала фотографию оборота расчётного листка. Внизу синим карандашом стояло: «42800 — долг на 01.09». Рядом — две поздние пометы: «часть через администрацию» и «остаток кто принял?». Ни дат, ни подписей. В нашей коробке имелась ведомость за июнь с семью пустыми строками, но Светлана утверждала, что троим позже выдали небольшие суммы наличными. Я помнил это иначе: будто новый владелец рассчитался почти со всеми. Раньше такого «почти» хватило бы для сцены. Теперь от

него зависело, сколько я должен человеку.

Архивистка позвала мой номер.

— Мне нужны документы ликвидированной радиостанции «Городская волна», — сказал я. — Платёжные ведомости и сведения о правопреемнике за две тысячи третий — две тысячи пятый годы.

Она посмотрела заявление, потом на меня.

— Вы бывший сотрудник?

— Да.

— Тогда по себе можем искать. По другим сотрудникам сведения о выплатах содержат персональные данные.

— Мне не нужны фамилии. Нужно понять, были ли перечисления по задолженности и кто принял обязательства.

— Понять — не архивный запрос.

Она вернула лист через окошко и карандашом подчеркнула пустую строку «запрашиваемые сведения».

Я отошёл к подоконнику. Раньше я бы написал: «правда о закрытии станции». Получилось бы убедительно и бесполезно. Я перечислил регистрационные номера двух юридических лиц из выписки, попросил копию передаточного акта в части кредиторской задолженности и обезличенные итоговые суммы по реестру погашения. Отдельным пунктом — расчётные документы на моё имя.

Архивистка прочла второй вариант.

— Передаточного акта может не быть у нас. Муниципальное предприятие преобразовывали, потом имущество про-

давали. Долги могли остаться на старом лице.

— А кто был правопреемником?

— Если был, это установят документы. Я сейчас вам устно назначу виноватого, а вы потом напишете книгу.

Я узнал её. Не лично — по интонации человека, который уже видел мой ролик. На стойке за её плечом лежала распечатка афиши из Каменного Бора.

— Я как раз пытаюсь никого не назначать, — сказал я.

— Тогда не спрашивайте быстрее, чем бумага отвечает.

Она приняла запрос. Срок был тридцать дней, но опись доступных дел обещала выдать сегодня после обеда.

Я сел на пластиковый стул и перевёл студии восемьдесят четыре тысячи с назначением «аренда за июль». Осталось двенадцать. Даже если считать только задержку Светланы без индексации, мне не хватало тридцати тысяч восьмисот. Если прибавить хоть какую-то цену двадцати трём годам, цифра становилась не рабочей, а литературной: её можно было обсуждать бесконечно и никогда не платить.

Я позвонил бухгалтеру станции, номер которой теперь принадлежал торговому центру. Девушка из справочной трижды переключала меня между арендой площадей и охраной. Наконец мужчина с голосом человека, которого разбудили среди дня, сказал:

— Радио здесь было до реконструкции. Мы юридически никак.

— У вас сохранились контакты прежнего собственника

здания?

— Собственник не работодатель. И вообще всё через запрос.

Он продиктовал адрес электронной почты. Я записал его на обороте номерка.

К полудню Даша прислала ссылку на реестр юридических лиц и сообщение: «Не делай из поиска правопреемника условие своего платежа. Это разные вопросы».

Я набрал: «Хочу сначала установить размер долга».

Она ответила почти сразу: «Размер чужих обязательств. Свой размер ты можешь посчитать отдельно».

В кафе напротив архива я открыл таблицу. В первой колонке написал «установлено», во второй — «не установлено», в третьей — «решение без ожидания».

Установлено: Светлане не выплатили сорок две тысячи восемьсот рублей за отработанные эфиры и редакторские смены. Мой расчёт к моменту закрытия местного вещания был получен полностью. Я принял решение снять выпуск вопреки её предупреждению о риске для смены. Прямая причинная связь между моим решением и всей задолженностью документами пока не доказана. Поздние частичные выплаты Светлане не подтверждены документами и ею не получены.

Не установлено: кто юридически принял долг; платили ли остальным семерым; какие суммы; были ли судебные решения; сохранились ли исполнительные производства. Не установлено и то, какую долю общего ущерба можно припи-

сать моему поступку, а какую — решениям администрации, учредителя и нового собственника частоты.

В третьей колонке я долго ничего не писал. Потом внес: «Вернуть Светлане 42 800 из личных средств как признанную мной сумму участия в ущербе. Не называть зарплатой, погашением долга работодателя, компенсацией всех потерь или прощением. При обнаружении поздней выплаты пересчитать только после письменного подтверждения Светланы».

Слово «участия» казалось удобным. Оно не делало меня единственным виновным и не позволяло выйти из комнаты. Я отправил таблицу Светлане и попросил проверить только факты о её сумме и полученных выплатах.

Она позвонила через четыре минуты.

— Ты решил купить правильный финал?

— Я решил перевести деньги.

— Из гонорара за ту самую историю?

— Гонорар ушёл на аренду. Перевод будет из личных.

— Деньги на личном счёте откуда берутся, Антон? У тебя там отдельная шахта нравственного угля?

Я посмотрел на остаток. После частичной выплаты сотрудникам, дороги и коммунальных у меня было двадцать шесть тысяч триста. Остальное можно было взять с кредитной карты. В лекциях я называл кредитную карту дорогим голосованием за будущего себя. Сейчас фраза показалась особенно мерзкой.

— Частично с кредитной карты, — сказал я.

— Я не просила тебя лезть в кредит.

— Ты просила назвать сумму.

— Назвать. Не разыграть возврат в трёх действиях.

— Если я жду архив, я снова превращаю проверку в отсрочку.

Светлана молчала. На соседнем столе официант протирает сахарницу, высыпая пакетики и возвращая их по одному.

— В таблице убери «вернуть», — сказала она. — Ты не кассир станции. И я не признаю, что это именно тот долг.

— Что поставить?

— Напиши, что перечисляешь сорок две восемьсот лично от себя. Основание — твоя признанная ответственность за решение, увеличившее риск невыплаты. Не «возмещаю ущерб». Ущерб был не только в сумме. Я два месяца занимала на квартиру, отказалась от курсов, потому что пошла в ночную сетку на другом радио, и двадцать лет слушала, как ты сделал из нашей смены декорацию.

— Я не могу посчитать это без документов.

— Поэтому не считай. Назови то, что можешь сделать, и то, чего платеж не делает.

Я исправил строку при ней. Получилось длиннее назначения банковского перевода.

— И ещё, — сказала Светлана. — Если переводишь, не присылай мне главу вместе с чеком.

— Почему?

— Потому что тогда деньги станут платой за чтение.

— Я хотел показать, что не использую перевод как прощение.

— Покажи себе. В моей выписке твоего авторского намерения не будет.

После звонка я написал Нестерову, что выплата гонорара получена и аренда закрыта. О личном переводе не сообщил. Через минуту он сам прислал сообщение: «Следующая глава должна завершить радиолинию действием. Возврат — сильная точка. Нужен документ».

Я позвонил ему.

— Откуда вы знаете?

— Вы запросили архив от имени автора проекта. Архивистка позвонила в издательство проверить гарантийное письмо.

— Я не давал вашего номера.

— Он в договоре, который вы приложили к запросу. Антон, это нормальная работа. Не устраивайте тайну из бухгалтерии.

— Перевод не завершит линию.

— Для главы — завершит. Читателю нужен поступок после шести глав анализа.

— Семь других строк останутся пустыми. Ролики остаются в сети. Светлана не считает сумму полным ущербом.

— Всё это можно честно указать. Но если после платежа вы оставите только оговорки, поступок исчезнет.

— А если я поставлю его в конец, исчезнут остальные.
Нестеров вздохнул.

— У вас редкий талант превращать каждую ясную вещь в комиссию из пяти человек.

— Ясной вещью была красная лампа.

— Нет. Красная лампа была эффектной. Я говорю о действии. Вы причинили измеримый вред и платите измеримую сумму.

— Я участвовал в риске вреда. Работодателем я не был.

— Эту фразу оставьте юристу.

— Её оставила Светлана.

В трубке стало тихо.

— Тогда тем более запишите точно, — сказал он. — Но не делайте вид, будто неопределённость освобождает вас от выбора.

Мы впервые за разговор согласились и оба остались довольны.

В два часа архивистка вынесла опись. В фонде муниципального предприятия хранились приказы, лицевые счета и ведомости до декабря две тысячи третьего. Документы о преобразовании лежали в другом фонде, ещё не описанном полностью. Она разрешила посмотреть заголовки дел без персональных данных.

В карточке номер сто восемнадцать значилось: «Реестр требований работников при ликвидации, 17 листов». В карточке сто двадцать один: «Сведения о частичном погаше-

нии задолженности, 9 листов». Доступ требовал подтверждения родства, доверенности или решения руководителя архива после обезличивания.

— Значит, выплаты были? — спросил я.

— Значит, есть дело с таким названием.

— А правопреемник?

Она показала карточку передаточного акта. В примечании стояло: «обязательства по оплате труда в перечень передаваемого имущества не включены».

— Это доказывает, что новое предприятие не приняло долги?

— Это доказывает одну строку в описи. За доказательством заказывайте копию дела и заключение специалиста. Не делайте из карточки приговор.

Я сфотографировал разрешённую выписку и отправил Даше. Она ответила: «Хорошо. Теперь у нас есть направление проверки, не ответ».

В банке лимит разового перевода с кредитной карты оказался двадцать тысяч. Я перевёл на дебетовый счёт недостающие шестнадцать пятьсот, увидел комиссию в тысячу две-сти и впервые понял, почему люди любят символические суммы: они дешевле точных.

Светлане я отправил сорок две тысячи восемьсот рублей. В поле назначения приложение разрешало сто сорок знаков. Я написал: «Лично от Антона Рубежова. Признанная ответственность за решение 2003 года. Не зарплата станции, не

полный ущерб, без ожидания прощения».

Банк отклонил текст из-за запятой или длины — он не объяснил. Во второй попытке осталось: «Личный перевод. Ответственность за решение 2003 года. Не зарплата работодателя. Не полный ущерб. Без условия ответа».

Перед подтверждением я сделал снимок экрана, затем удалил его. Нестеров просил документ, но чек появлялся и после операции. Мне не требовалось сохранять момент, когда палец завис над кнопкой.

Перевод ушёл.

Светлана не ответила. Через час приложение показало, что деньги зачислены. Ещё через два пришло её сообщение: «Получено 42 800. Подтверждаю только получение личного перевода. Прощения, согласия на публикацию и признания полного расчёта это не означает».

Я скопировал фразу в реестр ограничений. В рукопись её не вставил. Вместо этого записал факт своими словами и приложил обезличенный чек к архиву проекта с пометкой: «не публиковать без отдельной необходимости; подтверждает действие, но не права на чужой ответ».

Вечером мы с Дашей разложили на студийном столе восемь копий пустых строк. Одну — Светланину — я накрыл распечаткой перевода. Семь остались видны.

— Слишком красиво, — сказала Даша.

— Это рабочая схема.

— Ты уже видишь обложку главы.

Я убрал чек в папку.

— Архив подтвердил реестр требований и дело о частичных выплатах. Через тридцать дней могут дать обезличенные суммы.

— А люди?

— Я не знаю, как их найти.

— Трех Светлана называла по именам в кафе.

— И запретила делать из семерых хор. Если я начну обзванивать их ради книги, получится ещё один набор свидетелей для моей линии.

— Значит, сформулируй цель контакта до звонка.

Я написал на доске: «Не подтверждение версии. Не согласие на участие. Проверка выплаты и способ связи для личного предложения возмещения». Ниже: «Отказ фиксируется без повторного обращения».

— И кто будет звонить? — спросила Даша.

— Я.

— Тогда начни с того, откуда у тебя номер. И не говори, что хочешь исправить прошлое.

— А что я хочу?

— Ты хочешь узнать, можешь ли сделать один следующий поступок. Про прошлое спросишь у них.

Арсений вошёл с распечаткой платёжного календаря. После аренды на счёте студии оставалось двенадцать тысяч. Через девять дней наступал срок следующей зарплаты.

— Если ты сейчас собираешься возмещать ещё семерым

по сорок две, — сказал он, — предупреди до того, как мы возьмём августовские группы.

— Из студийных денег не буду.

— Ты дважды в этом месяце докладывал личные деньги в зарплату. Разделение счетов не делает решения отдельными.

Он положил календарь поверх пустых строк. На листе было шесть фамилий нынешней команды и три ожидаемых платежа. Я снова получил картинку, которую легко было превратить в главу: старые долги под новыми. Но Арсений смотрел не на композицию.

— Мы можем не открыть августовский набор, — сказал я.

— Можем. Только скажи до рекламы и договоров. Не после нравственного открытия.

Я поставил в календаре дату решения — пятница, двенадцать ноль-ноль. До неё мы должны были посчитать гарантированные поступления без новых лекций о радио. Арсений забрал копию.

Даша ждала, пока дверь закроется.

— Перевод был правильным? — спросил я.

— Это вопрос для следующего выступления?

— Для меня.

— Тогда выдержи, что ответа сегодня нет.

Я открыл три коротких ролика из Каменного Бора. Самый популярный набрал уже восемьдесят семь тысяч просмотров. Комментарий студии с рамкой находился далеко вни-

зу. Организатор заменил рекламный ролик полной записью на своей странице, но копии продолжали жить отдельно. В одной подписи меня называли человеком, который «вернул долг в прямом эфире», хотя о переводе ещё никто не знал.

Алгоритм заранее придумал мне финал.

Я написал организатору просьбу закрепить ссылку на полный фрагмент и разослать уточнение владельцам трёх первых копий. Потом составил короткую публичную запись без фотографии чека: прежняя версия сцены не подтверждается; возражение редактора смены опубликовано в полной записи; личный перевод одному человеку не устанавливает причины всей задолженности и не закрывает потери остальных работников. Прежде чем нажать «опубликовать», отправил текст Светлане не на согласование, а для проверки, не раскрываю ли я новые сведения о ней.

Ответ пришёл через десять минут: «Сумму и факт перевода можешь называть как свои действия. Меня не называй. И не пиши “вернул долг”».

Я выполнил оба условия.

Запись собрала сорок три реакции — в две тысячи раз меньше ролика. Один человек спросил, зачем выносить бухгалтерию публике. Другой написал, что настоящая ответственность не нуждается в оговорках. Третий потребовал фамилии семерых, чтобы проверить, существовали ли они вообще.

Я не ответил. Фамилии не были моим доказательным ма-

териалом.

Перед уходом я снова открыл главу о радио. Рука сама искала место после перевода, где можно было поставить короткую фразу: «Впервые за двадцать три года история что-то вернула». Фраза была точной по ритму и ложной по счёту.

Я удалил её.

В реестре оставались семь пустых строк, неописанный архивный фонд, три обрезанных ролика и шесть нынешних сотрудников, которым через девять дней требовалась зарплата. У Светланы появились сорок две тысячи восемьсот рублей. У меня — чек, комиссия по кредитной карте и запрет превращать первое перечисление в последнее слово.

Я назвал файл не «расчёт», а «первый возврат».

Потом написал имя первого человека, которому предстояло позвонить утром, и рядом — первую фразу без просьбы простить меня.

Глава 8. Сорванные гастроли

Вторая история начиналась у меня с хлопка автобусной двери.

На сцене я обычно выдерживал после него паузу, хотя никакой двери зрители не слышали. Я бил ладонью по кафедре и говорил:

— В тот вечер я понял: лучше сорвать гастроли, чем согласиться на компромисс, после которого не узнаешь собственную работу.

Дальше в презентации появлялась фотография старого Дома культуры: белые колонны, облупленная синяя тумба с афишей, у служебного входа — наш автобус. Снимок был сделан в июне две тысячи девятого года в Лужках, за три часа до премьеры музыкального спектакля «Пока горит окно». Я тогда был исполнительным продюсером маленькой антрепризы и впервые имел право поставить подпись под договором длиннее собственной биографии.

В моей сценической версии директор площадки потребовал сократить программу и убрать песню, которую считал политической. Я отказался. Он пригрозил не выпустить нас на сцену. Я собрал артистов, сказал, что искусство не измеряется удобством районного начальника, и увёз труппу. Через месяц спектакль пригласили на фестиваль, а я получил главное доказательство своего любимого правила: иногда за-

крытая дверь освобождает дорогу.

Этой историей я открывал второй день курса. После радио она работала особенно хорошо: там меня выгоняли, здесь уходил я. Слушатель видел развитие характера и не успевал спросить, кто грузил декорации.

В четверг утром я произнёс сценическую версию не перед залом, а перед шестью сотрудниками студии. Мы сидели в аудитории, где ещё вчера собирались открыть августовский набор. Арсений вывел на экран платёжный календарь. До зарплаты оставалось восемь дней, до решения о рекламе — двадцать семь часов.

— Зачем ты нам это рассказываешь? — спросила администратор Лена.

— Потому что курс держится на трёх историях. Радио мы уже не можем продавать в прежнем виде. Я хочу проверить вторую до того, как обещать август.

— Проверить — это сколько денег и дней?

— Пока не знаю.

— Тогда это не ответ про август.

На экране под гарантированными поступлениями стояло двадцать девять тысяч. На следующей строке — сто восемьдесят четыре тысячи обязательных выплат. Разницу Арсений выделил не красным, а серым. Красный цвет выглядел бы как попытка придать арифметике драму.

Даша положила на первый ряд картонную коробку с надписью «ЛУЖКИ — ТУР 2009». Она нашла её в дальнем

шкафу за папками договоров. Я помнил коробку меньшей и почему-то жёлтой.

— Можно не открывать августовский набор до проверки, — сказал я. — Тогда мы не возьмём деньги за продукт, который, возможно, придётся менять.

— А зарплату откуда возьмём? — спросил звукорежиссёр Костя.

— Есть заявка на корпоративный практикум.

Арсений повернул ноутбук ко мне. В письме заказчик просил «харизматичную лекцию Антона Рубежова о том, как провалы ведут к успеху». Предоплата — сто пятьдесят тысяч. Дата совпадала с последней неделей месяца.

— Не практикум, — сказал Арсений. — Та же лекция, только без продажи билетов.

— Я могу убрать радио и оставить гастроли.

Даша постучала пальцем по коробке.

— Ты уже оставил гастроли. Поэтому мы здесь.

Я открыл крышку. Сверху лежала сложенная афиша, под ней — договор с Домом культуры, смета тура, гостиничные счета и прозрачная папка с надписью «ПРЕТЕНЗИИ». В ней оказалось пять листов. Я помнил одну претензию — от площадки за отменённый спектакль. Остальные четыре были заявлениями людей нашей технической группы.

Первым шло заявление осветителя Павла Мельникова. Он требовал оплатить девять рабочих дней, включая монтаж в трёх городах и обратную дорогу из Лужков. Вторым — за-

явление костюмера Ларисы Фетисовой за восемь дней и материалы, купленные за свои деньги. Третьим — совместное письмо монтировщиков сцены, братьев Сергея и Ильи Кругловых. Внизу стояла сумма: сто двадцать шесть тысяч на четверых.

На каждом листе секретарь антрепризы поставила одинаковую резолюцию: «Оплата после окончательного расчёта по туру».

Окончательного расчёта в коробке не было.

— Они получили деньги? — спросила Лена.

— Должны были. У нас оставалась касса от первых двух городов.

— Это память или документ?

Вопрос произнесла не Даша. Его задала Лена, которая три недели назад просила не превращать редакционные термины в корпоративный язык. Я отодвинул заявления от себя.

— Память.

В смете было восемь городов. Лужки стояли третьими. Доход от первых двух спектаклей — триста семьдесят четыре тысячи. Из него предстояло оплатить транспорт, гостиницы, суточные и часть гонораров. Рядом карандашом кто-то написал: «А. Р. — 90 000 аванс». Почерк был мой.

Я получил эти деньги за неделю до выезда. В сценической истории аванса не существовало. Там я был человеком, который пожертвовал заработком ради принципа.

— Девяносто тысяч ты вернул? — спросил Костя.

— Не помню.

— Удобная у вас профессия, — сказала Лена. — Харизма помнит хлопок двери, бухгалтерия не помнит деньги.

Арсений остановил её взглядом.

— Нам нужно решить не хороший ли Антон в две тысячи девятом, — сказал он. — Нам нужно понять, можно ли завтра принять оплату за курс. Давайте разделим вопросы.

Он взял маркер и написал на доске три строки: «Сцена в Лужках», «Деньги тура», «Нынешняя продажа».

Даша достала договор. По нему площадка могла требовать изменить продолжительность программы только при нарушении согласованного времени. Никакого пункта о содержании песен не было. К договору прилагался акт, составленный в день отмены. В акте директор Дома культуры писал, что антреприза прибыла на монтаж с опозданием на четыре часа, не успела провести технический прогон и отказалась сократить спектакль на двадцать семь минут, чтобы закончить до последнего рейсового автобуса.

— Про песню ничего, — сказал Костя.

— Он говорил про неё устно.

— Кто слышал?

Я назвал режиссёра Ингу Ветрову и актёра Савелия Рожкова. Потом вспомнил, что Савелий в тот день заболел и оставался в гостинице. В рассказе он всегда стоял рядом со мной у директорского кабинета.

— Убери Савелия, — сказала Даша.

Я зачеркнул имя в блокноте.

— Инга слышала. Она сказала, что без песни спектакль развалится.

— Это ты помнишь?

— Да.

— Тогда пока так и запиши.

В коробке нашлась служебная записка Инги. Она возлагала ответственность за отмену на отсутствие технического прогона и писала, что предлагала сыграть сокращённую версию без второго антракта. О песне снова не было ни слова.

Я перечитал записку дважды. Фраза про песню была самым сильным местом лекции. После неё слушатель переставал видеть хозяйственный спор и получал цензора. Цензора легко победить даже спустя семнадцать лет.

— Возможно, она не хотела фиксировать это письменно, — сказал я.

— Возможно, — согласилась Даша. — А возможно, ты склеил два разговора. Пока у тебя есть несовместимые версии.

Я перевернул лист. На обороте Инга ручкой дописала: «Антон уехал вечерней электричкой. Команда осталась ждать решения по транспорту».

— Какой электричкой? — спросил я.

— Восемнадцать сорок, — ответил Арсений, глядя в телефон. — Если расписание тогда было тем же.

— Мы уехали автобусом.

Я видел этот отъезд лучше многих настоящих событий: тёмные окна, афиша на тумбе, директор в расстёгнутом пиджаке, автобусная дверь, которую я захлопываю ладонью. На первом повороте кто-то из артистов начинает аплодировать. Я сажусь рядом с водителем и не оборачиваюсь, потому что лидер не проверяет, следуют ли за ним после правильного решения.

— На фотографии автобус стоит у Дома культуры, — сказал я.

— Фотография сделана до отмены, — сказала Даша.

Мы разложили документы по полу. Гостиничный счёт включал ночь после отменённого спектакля для двенадцати человек. В составе группы было девятнадцать. Семь человек в счёте отсутствовали. Билет на электричку лежал в конверте с моим именем, но дата выцвела. На обороте кто-то написал: «А. забрал 18 000 на дорогу и уехал согласовывать возврат в Реченске».

— Чей почерк? — спросил Арсений.

— Не знаю.

— Восемнадцать тысяч вошли в девяносто?

— Не знаю.

— Кто распоряжался кассой?

— Я и администратор тура Марина.

— Где Марина?

Марина погибла шесть лет назад. Я знал об этом, но всё равно на секунду посмотрел на телефон, будто запрет на зво-

нок появился только сейчас.

В заявлении Ларисы Фетисовой была ещё одна приписка: «Из-за отъезда продюсера деньги на обратные билеты выдал водитель Тимур Садыков из собственных суточных. Возврат ему не произведён».

— Тимур, — сказал я. — Вот кто отвёз всех назад.

— Если ты уехал электричкой, — уточнила Даша.

— Я не уезжал раньше команды.

Она не спорила. Молчание оказалось хуже: оно не давало мне защищаться от обвинения, которого никто ещё не предъявил.

Мы нашли банковскую выписку антрепризы за месяц тура. После первых двух городов на счёт поступили триста семьдесят четыре тысячи. В течение трёх дней сняли наличными двести восемьдесят. Назначений не было. Через неделю, уже после отмены, на мой личный счёт пришли сорок пять тысяч с пометкой «возврат займа учредителю».

— Ты был учредителем? — спросила Лена.

— Формально на треть. Я внёс деньги в репетиции.

— Сколько?

— Около ста пятидесяти.

— Документ есть?

— Должен быть договор займа.

В коробке договора не оказалось.

У меня складывался ответ, который можно было произнести уверенно: деньги первых спектаклей ушли на неизбеж-

ные расходы, я получил лишь часть собственного займа, а техникам должны были заплатить после претензии к площадке. Каждая часть могла оказаться правдой. Вместе они слишком быстро превращались в оправдание.

— Что известно точно? — спросил Арсений.

Я записал на доске: гастроли отменили в третьем городе; четыре техника заявили о неоплате девяти и восьми рабочих дней на общую сумму сто двадцать шесть тысяч; в документах нет подтверждения последующей выплаты; я получил девяносто тысяч до тура и сорок пять тысяч после отмены; режиссёр предлагала сокращение и написала, что я уехал раньше команды; водитель выдал людям деньги на дорогу.

— Сорок пять — не обязательно доход, — сказал я и сам поставил рядом знак вопроса.

Костя поднялся и вышел. Через минуту вернулся с кабелем, который чинил между занятиями.

— Я не про две тысячи девятый, — сказал он. — Если мы завтра открываем набор, мне обещают смены на август. Если не открываем, я беру монтаж на фестивале. Там ответ нужен сегодня.

— Бери фестиваль, — сказал я.

— Это решение по набору?

Я посмотрел на Арсения. Он не помог.

— Это решение по твоей работе. Мы не имеем права держать тебя ожиданием.

— Тогда убери меня из августовского расписания.

Он смотал кабель и унёс его с собой. Кабель принадлежал ему, не студии. Я никогда не спрашивал, сколько нашей техники держится на чужих личных вещах.

Лена спросила, может ли написать ученикам, что продажи задерживаются на неделю. Арсений напомнил: неделя без продаж не создаст сто пятьдесят тысяч. Корпоративную лекцию можно принять только в старом формате или отказаться сегодня до пяти.

— Я не буду рассказывать гастроли как доказанную историю смелого отказа, — сказал я.

— Это ещё не отказ от заказа, — ответил Арсений. — Можно предложить им разбор того, как одна и та же неудача меняется после документов.

— Они просили харизматичную лекцию.

— Предложение — не подмена. Пусть выбирают.

Мы отправили заказчику новый план: вместо трёх уроков успеха — публичный разбор памяти, документов и последствий одного решения. Без имён бывших участников, без демонстрации заявлений и без обещания, что поражение оказалось полезным. Цена оставалась прежней. До ответа эти деньги нельзя было включать в календарь.

После обеда Даша нашла в папке транспортный договор. Водителя звали Тимур Рафикович Садыков. Рядом с его подписью стоял номер старого мобильного и адрес гаражного кооператива в Реченске. Договор предусматривал ежедневный маршрутный лист с временем выезда, остановками,

списком ответственных за пассажиров и расходами водителя.

Маршрутных листов в коробке не было.

Я набрал номер. Женский голос сообщил, что абонент не обслуживается. По адресу гаража теперь находился шиномонтаж, но его владелец помнил Тимура: тот ещё зимой держал там автобус, потом перебрался на северную промзону.

— Маршрутные листы он мог сохранить? — спросила Даша.

— Водители хранят всё, что помогает получить деньги.

— Это знание или надежда?

— Надежда.

Я позвонил владельцу шиномонтажа и попросил передать мой номер без объяснения причин. Потом написал Инге короткое сообщение: у меня есть её служебная записка, я не прошу разрешения на чужую версию и хочу уточнить только хронологию; если она не ответит, я не буду повторять обращение.

До пяти оставалось сорок минут. Заказчик корпоративной лекции молчал. На доске рядом существовали сто двадцать шесть тысяч старой неоплаты и сто пятьдесят тысяч возможной предоплаты. Суммы почти совпадали, и я ненавидел их за готовую метафору.

В шестнадцать сорок семь пришёл ответ: новый формат нужно согласовать с руководством, решение будет в понедельник. Арсений удалил предоплату из пятничного про-

гноза. В гарантированных поступлениях снова осталось двадцать девять тысяч.

— Августовский набор? — спросила Лена.

— Сегодня не открываем, — сказал я. — Завтра посчитаем сокращённую программу без обещаний, которых не можем проверить. Если она не покрывает оплату команды до начала занятий, набора не будет.

Это решение не звучало смело. Никто не захлопнул дверь. Лена сняла запланированную рассылку, Арсений начал переносить платежи, а я написал Косте, что его место не буду считать свободным, но и обещать смены не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.